

*Я внимал бы ровному голосу, повествующему о вещах,
не имеющих отношения к ужину при свечах...*

Иосиф Бродский «Развивая Платона»

Трое безумцев у масляной лампы...

В. Иванов «Русь изначальная»

*Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может
быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас,
но только глазами того, кем я буду тогда.*

Джеймс Джойс «Улисс». Часть II. Эпизод 9

НЕКОТОРАЯ, ЯВНО НЕОБХОДИМАЯ К ОСНОВНОМУ ПОВЕСТВОВАНИЮ, ПРЕАМБУЛА

Ну-с, дамы и господа мои, сиречь почтеннейшая публика, если угодно, или же, для поборников сугубой терминологической точности и противников малейшего намека на кургузность, просто читатели, начнем пожалуй, помолясь. А с чего начнем, собственно? Правильно: с выбора повествовательного стиля, манеры изложения, дабы, таковой неуклонно следуя, соблюсти стройность мысли и логику всего действия, «не меняя коней на переправе», не уклоняясь от избранной темы, не блуждая попусту в нагроможденных рассуждениях. Мне, откровенно говоря, в данном конкретном случае по сердцу было бы придать всему, что будет приведено ниже, явные свойства литературного классицизма. Но не в части, касающейся античных аналогий, а следуя принципу триединства: времени, места и неразрывности действия. Так оно вернее получится, ибо читателю полезнее следить не за динамикой мизансцен, хотя от сего процесса и не избавиться совсем, но за самими диалогами персонажей, в коих вся «изюминка» и сокрыта. Что? *Пиэсу* предлагаете состряпать? Ну-у, сие возможно и заманчиво было бы, однако... Однако не сейчас, ибо... Ибо никогда не пробовал аз грешный сил своих в драматургии, да и драматургии-то в моих записках никакой по сути и нет. Ну, да бог с ней. Давайте уже более предметно...

Скажите мне, читатели разлюбезные, о чем могут говорить-беседовать три закадычных друга, расположившиеся на кухне деревенского старинного дома, куда заглянули в общем-то ненадолго и по конкретному делу, но, застигнутые непогодой, а именно грозой нешуточной и ветерком почитай ураганным, вынужденные пережить стихию в сушей праздности. Вот только не нужно совсем пытаться аналогии строить, вспоминая пресловутую, препошлейшую *кинуху* от всем известного *квартила на одну букву* (гусары, ма-а-а-лчать!!!, поскольку на «И»), да-да, эту, повествующую нам-де о чем говорят друг с другом представители формально сильного пола. Я вас сразу должен уведомить, ибо возможно кто-то не в курсе дела, что никогда и ничего подобного диалогам в упомянутой *картине* настоящие, нормальные, мужчины не говорят. Никогда, повторяю, и ничего похожего.* Да и женщины, скорее всего тоже... Разве пристало перемывать в компании косточки своих любезных? По-настоящему любимых... Да ни за что и никогда. И ни с кем. А вот диалоги персонажей (не героев же?) кинофильма — это речи неких обитателей отдельно взятого коммунального пространства. Не больше и не меньше. И пусть наши дорогие женщины на свой счет не сумлеваются. Они же настоящие женщины! И сразу вас упреждаю, что *мои действующие лица* (едва ли даже в потенции герои) беседуют об иных совершенно материях.

Отчего так? Да оттого, что автор, к вашим услугам! — в жизни побывал во многих мужеских компаниях и просто коллективах и нигде подобной галиматши, как у квартетчиков, не слыхивал. Иной раз мужики насчет сплетен, и другой раз, покруче любых дам будут. И болтануть зазря не задержатся, и соврать-присочинить, но... Но старинный, накрепко и умело рубленый когда-то пятистенек, в котором персонажи мои находиться имеют, к легкомыслию вовсе не располагает, хотя и не навеивает мрачных аллюзий и тревожных ощущений; ведь не шотландский замок каменный, неуютный и абсолютно неумолимый в своем безразличии ко всему на свете. Этот домина деревянный. А древо есть жизнь. А вот о «камне жизни» едва ли кто-то слыхивал.

Итак, трое старых друзей коротают время в беседе, переживая непогодь, рухнувшую нежданно-негаданно на окрестные горизонты. До города неблизко, да и дорожки того, считай фронтовые... О чем же говорят мужчины? Господи помилуй, да о чем же еще судачить, как не о русской литературе? Разве можно вообще чему-либо еще уделять внимание, кроме литературы вообще и нашей родной в частности. Что? История-география? Хорошо. Давайте присовокупим еще театр... ах, да, *пизса* ведь тоже жанр литературный. Все. Круг очерчен. Теперь конкретика из-под пера пойдет.

Некоторое время назад один из наших собеседников, будучи недвусмысленно и вполне профессионально причастен к литературному труду, и сам прочел, и друзьям рекомендовал *тетралогию* одного уважаемого сочинителя. Четыре весьма достойных романа, что связаны местом действия, главными героями и охватывают обширный период жизни от наших дней и лет до полста в глубину. Читатели же наши, поколенно разновозрастные, тем не менее также в той или иной степени являлись *свидетелями эпохи*, и потому содержание тетралогии воспринимали очень живо, а порой даже болезненно и близко к сердцу. Возможно у кого-нибудь преамбула моя также интерес вызовет, а потому не стану более тянуть резину. Итак, старый, крепкий еще пятистенек на отшибе глухой, в лесу буреломном затерянной, деревни; на дворе жуткая непогодь, гроза и ураганный почти ветродуй, а в доме трое друзей, ведущих неторопливую беседу. Кажется и все...

* Особенно дико в расплодившихся «кинухах» такого рода, что именуются «говорящими головами», смотрится стол без бутылок и никакого курева! — Во исполнение очередной кампании борьбы против чего следует...— Прим. ред.

...Да ведь не все... Долженствует вас, о почтеннейшие читатели, упредить, что, невзирая на посконно-домотканную несхожесть с замками европейскими, дом этот свою чудинку все-таки имел. Какую, спросите? Пустяки, конечно, но... к примеру, причудится может, что старинный предмет какой вдруг интерьер украсит, или вообще убранство комнаты изменится вдруг, причем никакой тревоги у присутствующих не вызвав... Только удивление, и то потом, когда наваждение пройдет... Или помстится ни с того, ни сего, присутствующим, что время за окном иное, и год, и месяц, что они вроде как и не они натурально вовсе, и долженствует им вести себя ответственно, ибо эпоха обязывает, а опасность недалече... А то и вовсе попросту пахнет на кухне пирогами: с пылу, с жару... Впрочем, может все и обойдется. И стоит себе домина, не чудит, не тревожит никого, космос свой нынешним людям не приоткрывая ни в малейшей степени. Словом, ничего страшного, а только мало ли что... Ладно, дамы и господа, бывшие граждане и товарищи. Милости прошу в избу, а то ведь недолго и простыть на грозе-урагане!

ПЕСНЯ ОБ ИНЖЕНЕРНОЙ МОЛОДОСТИ, ИЛИ ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО («ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ. ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ»*)

— Итак,— черноволосый, жилистый, длинный, откинувшись на спинку кресла и вытянув весьма «продолжительные» ноги в тапках-шлепанцах, довольно агрессивно глянул на присутствующих.— Итак, коллеги, давайте-ка, порядка для, оконтурим диапазон обсуждения и одновременно выясним что-нибудь насчет критериев. Системный подход, исповедуемый героями тетралогии, знаете ли, никому не вредил еще; опять-таки мы же с вами некоторым образом и методисты, хоть и стихийные, как было однажды сказано «диалектики-практики». Сам господь велел, значит, бежать обывательских судов-пересудов. Есть возражения?

Присутствующие, они же коллеги и собеседники, не возражали, абсолютно, впрочем, по-разному свое согласие обозначив. Один, примостившийся также в кресле напротив длинного, полный ему антипод, грузноватый, небольшого росточка, с быстро стреляющими по сторонам хитроватыми глазками, неопределенно, даже недоверчиво пожалуй, хмыкнул, одновременно кивнув, а третий, за столом обосновавшийся, лишь рукой махнул: мол, валяй, излагай, и потянулся к пузатому заварочному чайнику, водруженному на вполне приличный еще, хотя и слегка помятый местами, солидный возрастом, но от души начищенный медный самовар. Завладев нужным предметом, он стал неспешно разливать заварку по стоявшим на столе классическим граненым стаканам в мельхиоровых, что называются железнодорожными, подстаканниках. Был он самым молодым из троицы, и, очевидно, мера крепости чая для каждого из приятелей была ему хорошо знакома. Доливая стаканы доверху кипятком из самовара, он деловито пошмыгивал севрюжьем своим носом, морщился, чуть приворачивая краник, когда отдельные горячие капли от черзчур сильной струи брызгали ему на руку, и, закончив с процедурой, вновь принял позу примерного школьника, сложив руки на столе, точно за партой сидючи. Он и был, собственно, недавний школьник, а ныне студент-заочник, полгода как дембельнувшийся, уже отрастивший модную сейчас густую, темную шевелюру почти до плеч и украсивший левое плечо

* Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем (седьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. ред.

сложным орнаментом цветной татуировки, выглядывавшим из короткого рукава порядком застиранной, видимо очень любимой хозяином, темно-синей футболки.

— Договорились, — длинный заложил руки за голову и с хрустом потянулся. — А контуры, господа мои, выражаясь художественно, таковы, что с одной стороны, со времен Святополка Окаянного и его воспоследователей, — Изяслава Ярославича и сына его, тоже Святополка, счетом второго, русские «западники», ныне по совместительству и либералы записные, рекут примерно следующее и весьма уничижительное: мол, мы с вами и нам подобные, то есть патриоты, склонны считать, что-де, как это у братьев Вайнеров в «Евангелии от палача»: *«порох выдумали не китайцы, а русский мастеровой Василий Порохов, а компасом пользовались во времена князя Игоря, и паровоз у Ползунова и отца-сына Черепановых пополз и запыхтел раньше чем у Фултона**, а Маркони-гад спер радиоприемник у Попова... а электролампочками Париж освещался Яблочковым; лучшие же в мире яблочки вывел Мичурин, которого шпионы-вейсманисты убили, столкнув с выращенной им клюквы»... Ну и далее в том же духе: дескать, куда лезем со свиным рылом в ряд забугорный калашный?! На что в совсем еще недавнем прошлом отыскал прекрасный контраргумент незабвенный наш и многими качествами замечательный Юрий Визбор; да, тот самый, чьи строки в название романа положены: «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей!».

Иронично? Без сомнения, но... гордость определенная за иронией присутствует, что тоже бесспорно. А поборники америк-европ, либерасты толерастные, извините за выражение, не унимаются, вопят, дескать, *что* толку от ракет, когда народу жрать нечего; социалка, образование, медицина не финансируются, жилкомхоз на ладан дышит, пенсионеры... обманутые дольщики... (это они уже эпохи в запальчивости путают) сироты... инвалиды... Лучше бы вместо ракет, условно говоря, колбасы и прочих благ насущных на эту сумму! Но и у оппонентов резоны солидные, ибо коли живешь в империи, как бы она не аттестовалась и какую бы общественно-политическую формацию не утверждала, быть ей по статусу геополитическим игроком с соответствующей силовой атрибутикой, дабы побаивались и уважали, иначе растащат на куски, сырьевым придатком сделав, что и пытались воплотить в реальность в «лихие девяностые» недалекие и незадачливые младореформаторы, шестерки дельцов из-за океана, элементы компрадорского государства насаждая. И если не будет ракет, то и колбас элементарных не будет, вообще никаких не останется, поэтому оружие оружием, геополитика геополитикой, а жратва жратвой, виноват, социалка социалкой. Но вот в нынешнюю эпоху глобализации, как утверждает автор тетралогии, все по другому, не так прямолинейно...

Коротышка вновь хмыкнул неопределенно и как-то едковато, не без яда саркастического улыбнулся.

— Эх вы, коллега, наворотили. Точно мы тут диспут устроить собираемся. А может быть не стоит столь глобально? Ну, написал сочинитель вполне приличную книжку, читать небезынтересно, ностальгии в меру, иронии хватает, в целом не пересолил. Но городить огород обобщений... да кто советскую жизнь не вспоминает вот так-то? И потом, что там в дебюте? Прямая аллюзия с чеховской палатой за номером шесть и отсылка к цитате самого человеческого человека, дескать «вся Россия — палата номер шесть»... Но ведь, если уж разбираться досконально, товарищ Ленин не просто согрешил противу правды, но откровенно слукавил в задоре полемическом; он же вообще состоялся-то во многом как полемист, в основном вот кроет почем зря Богданова в «Материализме и эмпириокритицизме», немца Дюринга, зараз Беркли-

* Автор, очевидно, в данном контексте имеет в виду английского создателя паровоза Джефферсона, ибо американец Фултон — «автор» первого в мире парохода «Клермонт» (1803) и подводной лодки «Наутилус». — Прим. ред.

Юма-Маха... то еще кого ни попадая, причем софистикой предводитель пролетарской диктатуры, о труде имевший несколько отдаленное представление, владел блестяще, виртуозно и убедительно выдавая достижимое за действительное. Это во-первых. А во-вторых... во-вторых, давайте сделаем Антону Павловичу некоторую скидку на излишнюю литературность упомянутого рассказа, несомненно талантливейшую художественность, использованную, так сказать, для большей наглядности, характерности, выпуклости образов и отчетливости, откровенности фабулы, но все-таки... Чехов научился прежде всего ненавидеть определенные стороны общественной жизни и человеческой сущности, и надо признать, ненависть его изыскана и вместе с тем ничем не прикрыта, своих современников он ни капли не щадит и в своей беспощадности гениален, но... Одной ненависти мало, она тоже взор застит и глаза замыливает. Любовь еще нужна, а на оную у Антона Павловича времени и не осталось, даже физически. Ведь как представить ныне творческую метаморфозу Чехова, например, на седьмом десятке лет жизни?! К величайшему прискорбию никак. А доктор Рагин, с Ионычем заодно, чего уж там, безусловно, показательные образы, однако же во все времена и во всех классах и прослойках существовавшие; и воспринимать сии рассказы в качестве предостережения должно, но не более того.

Поскольку Чехова интересовал прежде всего человек, как таковой, как монада, если угодно, не стоит его персонажам придавать излишнюю массовость. Деграция личности имеет место быть при любом строе, в любые времена. А тут целую философию выстраивают на базе некоего частного случая. Не единичного, согласен, но... частного. И потом, та же история повторяется с «Ионычем», а нужно только-то и молвить по его поводу: да, вот как может статья, берегитесь, братья и сестры, рутины провинциальной, зашоренности обыденной, бесцельного существования... Но ведь и рецепт некий нужен взамен, духовный рецепт. И его, этот самый рецепт, может дать только вера и ничего более. Точнее, она и есть сам рецепт. А беда Чехова в том, что он к богу не пришел, ну, не успел, искал, но не нашел, уповав на самого человека, точно как на существо в идеале утилитарное по своей сущности, самостоятельно способное решить любые вопросы рационально, ради «общественных пользы»; оттого, кстати, так с ним, с Антоном Павловичем, и носятся наши горе-интеллектуалы, что сами подобной хворью страдают. Это у них навроде лекарства, помогает оправдать любую либерастию, извините. Почему «горе»? Да потому, что интеллигенции, в свое время модно именовавшееся прослойкой, нынче попросту не существует. Ну, сложилась в позапрошлом столетии этакая *консорция* или даже *конвиксия* выходцев из разночинцев, но себя исчерпала и розно рассыпалась, не став ни субэтносом, ни чем иным. А само название трактовалось и эксплуатировалось впоследствии как угодно вольно. И вся эта шушера нынешних «западников», атеистов, либерастов всех мастей никакого отношения к прежней прослойке не имеет. Но хватких людишек с образованием (ныне липово-компьютерным) и подвешенным языком у нас есть в достатке, вот и *морозят* себе кто во что горазд неподобную чушь, проводя сомнительные аналогии. Зачем? Ради рейтингов и бабла, и ничего иного в подоплеке. Поэтому скучно становится, когда с первых строк романа натыкаешься на приевшиеся сравнения, тем более с явными симпатиями в сторону империи пятнадцати, а еще ранее шестнадцати, республик, не выдержавшей самого малого даже испытания временем. Да, Россия девяностых была на порядок хуже этого социалистического рая, но не зря же говорено кем-то умным «прежде чем станет лучше, будет хуже». И вся недолга. Я и сам девяностые вспоминаю без пиетета*...

Длинный-жилистый, в продолжении монолога выражавший свое к сказанному

* Автор повести в монологах и диспутах своих персонажей, обсуждающих тетралогию романов, проводит линию сравнения СССР — «лихие девяностые» России, в то время как из текста всех четырех книг явно следует именно сравнение с временами настоящими, а «девяностые» — это только «разминка»... — Прим. ред.

отношение либо полуухмылкой, либо кивками головы, не меняя позы, ответил несколько даже с ленцой:

— Практически во всем с вами согласен, дружище... Разве что... Вот когда уважаемый автор устами своего главного повествователя Николая Андреевича и его, так сказать, сподвижников соотносит время развала советской империи и ситуацию, что сему воспоследовала, и время развитого социализма, с явной к последнему симпатией, он ведь предметно сожалеет о конкретных вещах, а именно о военно-промышленном комплексе, о достижениях в этой сфере, о его значении в геополитике, как инструмента сдерживания наших нынешних «партнеров». И сетует недвусмысленно, дескать, зачем же было так бездарно все созданное и накатанное обрушивать, уничтожать, продавая на иголки те же боевые корабли, меняя, если угодно, танк на трактор? А подобное сравнение в любом случае не в пользу новых времен. Даже признавая, как сейчас принято говорить, неэффективность плановой экономики, якобы сырьевую зависимость бюджета союза советских, никакую конкурентно-способность большинства товаров красной империи... Ведь отлаженная, хоть и «порочная» система в любом случае выигрышна по сравнению с полной экономической анархией, бандитскими хозяйственными схемами, отсутствием внятной промышленной политики и так далее... Вот и вздыхает автор сокрушенно, вспоминая с теплотой «золотые» годы советской державы. Кстати, ваш покорный слуга тоже причастен был к советской «оборонке», поработал в этой системе хоть и недолго, но с интенсивностью завидной, и впечатления о том времени сохранил, и опыт определенный имеется. Тут сложно спорить в свете всего нами уже сказанного. И еще, ни одно государство, при любом внутреннем строе, не сможет существовать без позитивных результатов своей жизнедеятельности. Это аксиома, нельзя государству жить без успешных дел! Иначе крах. Почти моментальный, если, конечно, вся *буча* типа очередной *революции* не затевалась как попытка превращения огромной империи в сырьевой, компрадорский придаток западных «демократий». И люди талантливые и самоотверженные имеются, и в цели великие верят; как не верить; и взаправду, кто же против, чтобы «жить стало лучше, жить стало веселей»? Да, не спорю, цена великих свершений тоже имеет значение, еще какое, ибо порой она бывала сверхжесткой по объективной необходимости! Только вот сейчас спокойно говорить обо всем этом оппоненты не умеют и не хотят. Одни орут о жертвах, вторые о выдающихся достижениях, не слушая друг друга. Установка у них, опять-таки, не до истины дойти, но свое доказать любой ценой. Истина? Она в спорах и не рождалась никогда и никоим образом. Шоу, одним словом! А теплое отношение автора к тому времени, определяет ко всему впридачу молодость, батенька, пришедшаяся на те времена его молодость! С годами она и должна казаться все более и более привлекательной*. И увлекательной. Пусть на самом деле и не была из ряда вон яркой и впечатляющей. Сказал же поэт-фронтовик Давид Самойлов о войне по прошествии двадцати лет:

*Ведь из наших сорока
Было лишь четыре года,
Где крылатая свобода
Нам как смерть была близка...*

В данном случае и мы с вами, друзья мои, никуда не делись и ведем себя очень

* ...Опять же автор повести устами своих персонажей все сводит к «воспоминаниям молодости», к «большим деревьям» и «мокрующей воде»... Но все это слишком просто: автор тетралогии в другой своей ипостаси ученый-эволюционист с широкой известностью, а в таковом качестве для него было бы примитивным все сводить к «мокрующей воде»...— Прим. ред.

похоже, что естественно. Раньше и конфеты были слаще, и вода чище... Психология, ничего не попишешь. Больничный же эпизод, я так полагаю, автору понадобился, возможно, для затравки. Он, скорее всего, не нам с вами, а вот нашему младому товарищу полезителен — информации для, мол, вот как оно было. Впрочем, как бы ни было, нынешние реалии, особенно «на местах», возможно недалеко ушли. А в столицах и подавно.

«Младой товарищ» при упоминании о себе вздрогнул; он явно слушал всю беседу вполуха, о чем-то своем «гоняя», но все-таки нашелся отделаться присказкой бравого солдата Швейка, ею определяя свой нейтралитет по части затронутых тем. Слегка порозовев и явно старясь поточнее воспроизвести гашековскую абракадабру, скороговоркой вытолкнул из себя:

Как бы уж там не было,

Как-нибудь, да было.

Никогда так не было,

Чтоб никак не было...

— Можно и так,— согласно качнул головой длинный.— Можно, конечно, ибо времена новые, а язвы вечные. А «было» по-всякому, по-разному. Если обратиться к частностям, то очень даже легко зарыться в конкретику с башкой и ничего путного оттуда не выудить. Вот, например, вспомните эпизод в романе, как начальство ловило молодого спеца и всех, иже с ним подвизавшихся в кумпанство, на употреблении спирта в обеденный перерыв? Скажите, это правдоподобно? Не думая засомневаетесь. А я вам, други, без промедления отвечу, что да, очень даже. С этим спиртом, с «шилом» так называемым, или, как нарекли авиаторы, с «массандрой», столько историй происходило, что и не счесть. И парторги различных мастей своего не упустили, особенно ежели кроме подобных «операций» да всяческих агитационных затей делать ничего не умели да и не хотели. И парторг парторгу рознь бывал, и люди настоящие, стоящие среди них очень даже попадались, искренне верящие и даром свой хлеб не жевавшие. Однако... вот же присказка липучая, опять-таки из тех времен славных; весь позитив перечеркивался напрочь формализмом, приспособленчеством и карьеризмом большинства, таковую когорту составляющего. Правильно, залог существования любого строя, даже самого жуткого и бесчеловечного, или наоборот, развеселого: позитивные достижения в развитии промышленности и аграрного сектора, и науки, и культуры, иначе гибель неминуема, но... Вопрос, а каким образом все сие сотворено и какой ценой, тут едва ли не основным становится. Да какое «едва ли»! Основным и баста. Все по Достоевскому Федору Михайловичу. Не будем сейчас углубляться в данном направлении, лишь себе зарубочку на память сделаем. А сокрушается автор, чисто по-человечески разбираясь, правильно и понятно, ибо, в одночасье считай, внешний и внутренний враг разрушил общественно-экономическую формацию, извините за выражение, и, следовательно, все структуры ея накрылись медным тазом. И наибольшую боль вызвало именно крушение ВПК, поскольку комплекс этот и являл собой все передовое и положительное, что могло у нас тогда быть.

И вот красной нитью проходит сквозь все повествование, и не только через первый роман, но и в дальнейших также, «ума холодного размышления», если угодно, авторские, мол, неужто следовало так все под корень вырубать, точно виноградники в горбачевскую антиалкогольную кампанию? И уж, конечно, сравнения прежней оборонки, ее уровня и возможностей, с тем, что пришло ей на смену... ведь только сейчас несколько спохватились... С чем там вообще сравнивать? Только дурь поднялась еще в перестроечные времена с конверсией этой идиотской! Я повторю еще раз, уж больно показательно: смерть крейсерам, даешь швейные иголки и консервные

банки! Повылезали ничтожества отовсюду с предложениями бредовыми танки пустить на трактора. Идиоты... Конечно, возмутительно и горько, и обидно. А кадры куда? На помойку? Оттого-то и понять автора не сложно. И солидарность с ним ощущаешь, и впрямь, нельзя же было восхищаться скороспелками, о коих пели нам ангажированные «смишники», вот, мол, лидеры нового времени, пионеры капитализма. Кэшбэком тебя по фейсу! Однако... и вновь однако. Ведь в прежнем виде преданное всеми, прежде всего верхушкой властной, государство существовать не могло, и ни одна его институция конечно же; и весь лепет и шамканье насчет того, какую страну мы потеряли,— в эпоху глобализма значения не имеет. Какую страну? Которая даже трех четвертей века не протянула? Это же в историческом масштабе мгновение! Какую страну? И не страну, кстати, вовсе. Странную конфедерацию с виду, где вся идеология была построена на лжи, на обмане, где партийная камарилья жрала-пила на наших костях и жилах?*

Правильно, воз и ныне там, сменили шило на мыло, что тогда бонзы партийные и хозяйственные, что сейчас олигархат и прочая. Правильно. Но сие отнюдь не означает, что о том прошлом нужно вздыхать! И никакую свою красную империю никто не сохранил бы, и пусть пример юго-восточного соседа свет не застит. Национальные элиты захотели набивать мошну, уже никого сверху не опасаясь, попробуй их останови! Шиш с маслом! Вот вам и ахи-охи.

Но все, фигурально выражаясь, пущенное под нож по воистину преступной инициативе младореформаторов, все, на что было угрохано столько сил, средств, жизней человеческих, и утраченное в одночасье, в угоду заокеанским врагам, вертевшими нашими вождями и вожденятами напрапалую, все это «планово» свершилось; и еще долго придется порушенное восстанавливать. Разрушение, как и предательство, занятие весьма увлекательное. А напоследок об этом хочу лишь обмолвиться, что все успехи во всех областях нашей жизни могли бы быть еще скорее достигнуты без какой бы то ни было смены строя, без утраты изначальной нашей, корневой *монархической государственности*: в Российской империи то есть; тогда не надо было бы заново промышленность и все остальное поднимать, перед этим дезавуировав целые условия и разрушив «до основания» все и вся, нырнув на время в лапотный век. Солагательное склонение? Да извольте — и кто придумал ахиною, что история его не любит? Логика подсказывает обратное. А изобрели такой аргумент для оправдания всех былых ляпов, слишком дорого и кроваво стоивших нашим пращурам, в частности.

Да, друзья-читатели мои, я не всеведущ, помстилось мне сначала, что собеседники за самоваром винтажным разговоры умные ведут, ан нет, ничего и в помине не было. Глянул я пристальнее, а длинный-жилистый прав, торчит на столе чайник пластмассовый, только ткни в кнопку и, пожалуйста, через минутку-другую вот он кипиток. Гоняй чай, робята, а о самоваре забудьте, как и о том времени... самоварно-паровозном... И так-то вот всю жизнь — мстится нечто приятное, корневое, основательное, в традициях вековых, а на деле является по любому поводу всяческая китайская пластиковая чушь. И нынешнее время ничего не изменило. Для большинства из нас, за исключением... понятно кого.

— Кстати, об эпизоде с якобы распитием,— юркоглазый тостячок окунул губы в стакан с чаем, облизал их неспешно, еще прихлебнул с некоторым шкворчанием, и продолжил излагать.— Вот в романе контролеры-ревизоры обломались, что называется, и утерлись, а в корпоративном «бизнесе», в наше время, подобная дурь даже при нулевом результате могла закончиться для этой компашки весьма плачевно. Рассчитали бы с минимальным выходным пособием и все тут. Утрата доверия — уни-

* Дабы не затемнять восприятие читателей, вновь отметим: подобные высказывания персонажей повести есть не анализ (совершенно иной «по идеологии») тетралогии романов, но вложенное в уста этих персонажей мнение автора повести, на что он имеет полное право, ибо он — автор.— Прим. ред.

версальное основание для расставания. И ведь нигде не оспоришь, частная компания, владелец — единоличный вершитель судеб. Пусть не везде, не всегда и не столь жестко, но принципа основного сие не отменяет. И ведь между строк такой вывод читатель с опытом, мыслящий, легко углядит. А еще акцентик авторский, хоть и вуалируется, но отовсюду замечается, дескать, несмотря на всякую партийную лабуду, невзирая на общественные *палки в колеса*, люди дело делали, и делали весьма успешно. Мда, и никакая партия не смогла этому помешать. А колхозные вояжи тем паче. Это вообще для всех, живших в государстве развитого социализма, тема почти сакральная.

Молодой, некоторое время будто погрузившись в изучение индивидуальных особенностей выдавшей виды столешницы, может и письмена известного рода там имелись, что весьма возможно, так вот молодой вдруг вскинул голову, тряхнул шевелюрой и молвил:

— Колхоз? Ну и что? Нас вот уже никуда не отправляли ни в школе, ни в хабзайке, ни на службе. Да и что там хорошего-то быть могло? Не-ет, соврал, на службе к комдиву на огород посылали в помощь его супруге, она солдатиков молоденьких привечать любила... А так? Дембелей, помнится, согнали вроде на аккорд картошку посадить генералу, а там не шесть дерьмовых соток, шалишь. Ну, они вроде бы и уложились в кратчайшие сроки, и отбыли восвосяи, а потом генеральша встревожилась, что корнеплод любимый всходов не дает. Зато у забора вдруг ботва из земли поперла, дерево прямо-таки картофельное. Оказалось, что дембеля яму вырыли и всю рассаду там захоронили, а пустые гряды проборонили сверху, мол, порядок в танковых частях. Их никто и не заподозрил. Вот это, я понимаю, колхоз! Он пожал плечами, этак не без пренебрежения, ну явно не в теме малец; старшие его товарищи лишь снисходительно поморщились и взглядами сожалеющими обменялись.

— Чудило ты юное,— длинный вновь растянулся в кресле елико возможно.— Поездка на поля, она была для горожан сродни побегу на волю, в пампасы. От рутины, от контроля старших товарищей и начальства, вообще от официоза и его многочисленных хомутов, вожжей и прочей сбури. И все бытовые якобы трудности были побоку. Хоть и на лоне природы нужно было ежедневно «урок сполнять», но сам ландшафт, просторы, вольный воздух облегчали дыхание и любые действия. Ощущение жизни менялось, очевидно в каждом просыпалось нечто глубинное, родовое, то, что связывало человека с окружающим диким миром в древности, в нынешних условиях антропогенного и техногенного ландшафтов дремлющее втуне...

— У тебя деды-прадеды откуда родом? — вклинился в разговор грузный.— Кем они были, чем занимались? Ага, крестьяне, землю пахали, хлеб растили. Так вот смею тебя уверить, мой младой товарищ, что в нас оживает на природе и при житье-бытье деревенском, в лесу, на совхозном-колхозном поле в том числе — старинное, порядком избытое и забытое ощущение крестьянина, всегда понимавшего свою связь с родной землей, любившего эту землю не показной и крикливой любовью, но истинным, глубочайшим чувством, тяжело выношенным и выстраданным поколениями предков. Конечно, у нас все это почти ампутировано и убито, но мы — прямые потомки тех крестьян, что расстались со своей землей во времена неизбежной индустриализации страны, да и мира в целом, а у нас еще частично были от нее отлучены в коллективизацию, тех, кто помнил еще и хранил в душе, пусть и бессознательно, образ малой родины, деревни, села, хутора, пашни. Генетическая память — штука упрямая, она веками формировалась, от нее не избавиться враз. Вот и мы, грешные, испытывая в колхозных эпопеях некий дурашливый, подспудно дремлющий до поры, восторг, отчета в его причинах себе не отдавали. И, кстати, подобные вояжи на природу несли еще и острые любовные впечатления, новые отношения, романы, так сказать. А это всегда волнительно, интересно и освежающе. А ты говоришь дембеля...

Молодой хмыкнул и вновь занялся чаепитием, маленькими глотками прихлебывая

уже наверное порядком остывший чай. По всему было видно, что аргументы старших его не вполне убедили. Он вообще привык доверять только личному опыту и собственным ощущениям, а вот так, с чьих-то слов, пусть и от друзей исходящее... Кто его знает?! Впрочем, красноречия старших его товарищей подобное выражение скепсиса отнюдь не ослабило. И длинный тут же продолжил свой аналитический экскурс.

— Если даже не вполне по содержанию романа, но где-то рядом, как явно подразумевавшееся автором, вольно или невольно, но наши города, особенно вновь возводимые, вместе с промышленными предприятиями построили и сделали практически конфетками именно крестьяне, утратившие привычный ландшафт. Земли в городе не стало, а привычка трудиться до седьмого, до десятого пота осталась. Крестьянам по наследству, с молоком матери, передавалось умение терпеть, работать и ждать. Возьми нашу «ремесленную слободу», ведь даже в глухие девяностые она не захирела, а центр до сей поры величают «малым Петербургом»*, а кто это все сотворил-обеспечил? Кто сделал так называемый моногородок, один из многих и многих в стране, «жемчужиной региона»? Они, «горожане кровей крестьянских», привычные к нелегкому труду, но не умеющие что-либо делать плохо, спусти рукава.

Вот оттого-то у нас, выезжавших на сельхозработы, и возникало это пьянящее ощущение воли, свободы, отрыва от серых городских будней. А на самом деле все это лишь трансформированная, завуаленная, но наша генетическая память о давно забытой малой родине, земле пращуров. Да, помнится, во время учебы в вузе, курсе на втором, когда гоняли нас морковку убирать поденно, без стационарного заселения в совхозе, в деканат посыпались вдруг разнообразные медсправки, что студент имярек освобождается от такого рода работ по причине... идиосинкразии на корнеплоды, искривления позвоночника, плоскостопия и прочей лабуды, скандал был на курсе и в деканате жуткий. Подключили комитет комсомола и даже партком, дабы вразумить мнимых «болящих»... А всего лишь через год, когда сельхозотряд, всегда формировавшийся на базе третьего курса, выезжал в тот же совхоз для работы и проживания там в течении месяца, желающих было хоть отбавляй. Правда и тут не без хитрости все происходило. Нас, самых здоровых на курсе парней, спортсменов, определили в грузчики и тарщики, все не в земле сырой ковыряться, а кто-то и вообще пролез на кухню с помощью все той же пресловутой справки о примате легкого труда. Но это было как-то весело и зависти, а тем паче злобы, у окружающих не вызывало. Вот и автор романа, в присущей ему ненавязчивой манере, не декларативно, но через действие говорит практически о том же, о чем и мы тут распинаемся. Вне городской черты, когда сами собой пали «оковы тяжкие» повседневности каменных джунглей, когда душа человеческая освобождалась от пут стреноживающих и всяческих шор, человек, хоть и не надолго, становился воистину самим собой. Оттого и возникают вдруг, неожиданно-негаданно, различные романтические отношения, и никакой аморалки в них нет. Здоровые инстинкты? Да, наверное, но разве это столь стыдно и неприемлемо? И потом инстинкты инстинктами, а душа и сердце все равно присутствуют. И, если резюмировать, то роман этот — здоровая, естественная, даже мудрая в чем-то ностальгия по времени, совпавшем с государственной мощью, особенно в определенном, но решающем направлении, но это направление и присутствовало в жизни героев повествования.

Для них то время навсегда осталось *временем, не поменявшим цвет*, и «красные цвета» тут совершенно не при чем. Просто линии персональных биографий очень гармонично сочетались с глобальной биографией громадной советской империи. Понятно, что все это длилось до поры до времени, что пришли в урочный час и разоча-

* Как следует из текста, действие повести «привязано» к северо-западной России, возможно и к окрестностям Северной столицы...— Прим. ред.

рование, и осознание глобальной катастрофы всего мироустройства... но все это произошло потом, позже. И еще есть в романе определенная надежда, не зря же в названии присутствует замечание, дескать, не просто книга, но *воспоминание о будущем*, надежда, что все лучшее из бывшего еще повторится, пусть на другом витке истории, но непременно придет время, когда мы вновь будем успешно и грамотно «делать ракеты». Зачем? А чтобы, никого извне не опасаясь, любить, творить и уверенно смотреть в будущее.

Молодой-длинноволосый, слушая тираду жилистого-высокорослого, явно воспламенившегося к ее завершению, спокойно покончил с чаем и принялся вновь наполнять опустевший стакан. Делал он это пижонски, глядя на собеседника, казалось, пустыми глазами, а чай наливая вслепую, на звук. И вдруг улыбнулся с ехидцей и немного язвительно, хотя и не совсем впопад, молвил:

— А между прочим, Антон Павлович, который, как ты утвердил, до бога не дошел, не успел, так вот Антон Павлович сказал, что человек должен быть или верующим, или ищущим веры. Иначе он пустой человек.

— И что? Где же противоречие? — юркоглазому явно надоело молчать и слушать, поэтому он решил ответить, хотя вопрос был вовсе не ему адресован. — Чехов сам веру искал и оттого высказался столь убежденно; он, несомненный исследователь и во многом знаток души человеческой, явно нуждался в вере, в поддержке господ, ибо иначе трудно вообще о душе рассуждать. Мигом угодишь в объятия к Фрейду или Юнгу, или сразу к обоим. Просто Антону Павловичу времени было отпущено мало, он многого не успел. И вообще, такая глобальная тема лежит за рамками нашей беседы. Как-нибудь потом...

— Ну, а почему, собственно, потом? — длинный все-таки успел подать голос, пока товарищ осекся, дух переводя. — То есть, конечно, о Чехове подробно действительно в другой раз. Но... но вот что роднит, хоть и отдаленно, и вообще ассоциативно, интонацию автора и уважаемого классика, так это некое мужество сожаления что ли. Ведь есть о чем сожалеть автору. В проклятые «лихие девяностые» многое, да почти все, что было напряжением всех сил и ума достигнуто в Красной империи, в науке, в промышленности, особенно в «оборонке», практически все это было пущено «под нож», и оттого автор порою столь саркастичен по отношению к наступившей действительности, в которой нет места разумному рационализму, где категорический императив — личное обогащение любой ценой. Это же дешевка, развенчание всего человеческого... моральная деградация. Вот и Чехов, беспощадный к вымирающему дворянству, все-таки не без сожаления о нем судит. Но в том-то и состоит мужество, что не сбивается на поминальный, бесполезный вой, на пустые, фальшивые слезы... Хоть все и гораздо сложнее, это я лишь об одном направлении упомянул. Но в романе именно ирония и помогает автору выстоять, а ведь как ни глянть, трагедия получается. Просто ввиду aberrации близости многие этого пока толком не осознали. Ты себя вспомни... впрочем ты тогда, в девяностые, еще пацаненком был, не понимал ни бельмеса. И хорошо — твое счастье. А я себя вспоминаю, так ведь и думать обо всем этом некогда было. Пахали на монтаже до памороков, едва успевали реагировать на подкидываемые жизнью обстоятельства, одно абсурднее другого... Молодые, конечно, были, в девяносто пятом мне и Стасу по тридцатке стукнуло. Силенок хватало, энергии тоже, вот вертелись, не скучали, как говорится, было бы чем заняться. А думать-то, осмысливать все произошедшее и происходящее гораздо позже стали. Правда, Стас?

Грузный-юркоглазый утвердительно кивнул головой. Да, как-то не пришлось доселе обмолвиться, что звали его Станислав, длинного же именовали от рождения Глебом, а молодой и длиноволосый откликнулся на Всеволода, Севку значит. А коротали они время, пережидая непогоду, ливень и ураганный ветер, приехав на *уик-энд*, говоря дурашливым новоязом, в почти заброшенную и уж точно богом забытую

деревенку, где Глебу по наследству достался дом, еще прадедом возведенный. Прибыли они сюда в первую голову за тем, чтобы оценить во что выльется работа по замене нижнего венца старинного этого жилища — он уже порядком подгнил, и довольно мощное строение стало проседать. А вот выбираться назад в город, по грунтовке, в такой ливень, да еще с ветром, не очень-то хотелось. Поэтому, коротая время, Глеб и затеял этот, с позволения сказать, диспут, сам же несколько месяцев назад и «подогнал» одну за другой эти книжечки знакомого ему автора друзьям почитать. И что странно: и Стас, и Севка, не отличавшиеся особым к чтению пристрастием, очень скоро и дружно все романы прочувствовали и даже не заявляли, мол, мура и такое в жизни редко встречается, а напротив, дружно и очень внятно молчали, наглядно показывая, что книги прочтенные их явно зацепили за душу. Или, что очень даже возможно, озадачили.

Глеб поднялся с кресла, подошел к окошку, слегка отдернул занавеску и глянул на улицу. Судя по всему, изменений снаружи пока не предвиделось. Ветер неистовствовал, ветки прямо под окном посаженной ивы хлестали по стеклу, ливень несколько не уставал орошать грешную землю, иссякать явно не собираясь. Значит, можно продолжить разговор, благо все в теме. И Глеб, проверив, достаточно ли в чайнике воды, сходил на кухню, откуда вскоре вернулся с банкой клубничного варенья, уже лишенной крышки, и тремя десертными ложками в руках. Водрузив все на стол, он вновь утвердил длинное свое тело в кресле.

Севка тем временем закурил, поискал взглядом пепельницу и, не найдя таковой, приспособил под нее блюдце со сколотым краем, непонятно зачем доселе стоявшее на столе. Страхнув пепел, он извиняюще глянул на Глеба, а тот лишь кивнул одобрительно, дескать, так и надо было сделать. Стас же, оценив перспективы в части десерта, надул щеки и шумно выдохнул, после чего потянулся к ложке и погрузил ее в банку, предварительно придвинув кресло и себя в нем поближе к столу. Маневр был совершен настолько по-детски потешно, при помощи одних лишь ног, не без усилия, впрочем и той части тела, откуда ноги и произрастают, что Глеб и Сева невольно и почти синхронно заушмылялись.

— Ладно вам, — не принял их веселья Стас. — Ну, а с нашим Николаем Андреевичем дальше-то что? А равно и с Игорем Васильевичем и всеми прочими? Нет, понятно, далее следуют продолжения, но с какого перепуга автора на второй, а потом и на третий романешти сподвигло? «Об чем речь», как говорили где-то там когда-то там... Или вновь в беседах посетовать на несовершенство и вообще убожество нынешнего времени и в нем живущих особей по сравнению с тем и с теми, что из глубины двадцатого столетия?

СЛОВУ ПРЕДПОЧИТАЮЩИЕ ЧИСЛО... («ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ ОБ УМОЗАМЕЩЕНИИ»*)

Глеб улыбнулся одними губами, направив свой явно отсутствующий взор прямой наводкой в противоположную стенку, оклеенную выцветшими от времени, некогда салатного цвета обоями с малопонятным, с претензией на среднеазиатский, орнаментом.

— Эй, на барже, — шутливо окликнул приятеля Стас, — вы в порядке, мой капитан? Вы здесь?

— Да здесь, здесь, — отозвался Глеб и повернулся в кресле вполоборота к слово-

* Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. ред.

охотливому собеседнику.— «Беседы», так будем именовать второй роман в нашем разговоре для краткости. Так вот, «Беседы» являют собой второе приближение авторского посыла, предназначенного читателю. Устами все того же Николая Андреевича, его коллеги Игоря Васильевича, репликами прочих персонажей являются нам характерные примеры конкретных ситуаций и людей в них поставленных, с целью аргументации тех же утверждений, а именно, что отнюдь не все, с нами происходящее, суть однозначно прогресс, что постсоветский хаос принес нам, кроме непонятой, непонятой и вообще крайне сомнительной свободы, а еще и отступление с уже занятых и освоенных позиций, то есть явную деградацию как человеческих качеств, так и отношений между людьми, а значит и регрессивную составляющую сути общественных процессов и социальных явлений.

— Ну, безусловно,— восторженно, потрянув шевелюрой, словно из воды вынырнув, Севка, довольно долго хранивший упорное молчание.— И предваряя свои «беседы» не очень-то радостными картинками родного города, Николай этот Андреевич с приятелем своим профессором мигом перескакивают на «дела давно минувших дней» с явными интонациями: мол, вот, «были люди в наше время»... И простой сержант Прокофьев, молодой парень, хоть и хлебнувший военного лихолетья, имел возможность даже в условиях армейских послевоенных будней, в сахалинском захолустье, повысить свой образовательный уровень и как! Чтобы в итоге встать на одну доску с элитой ядерной физики страны и мира! Принципиальную схему водородной бомбы и термоядерного реактора предложил обычный воин-связист! И все сие тогда было вполне возможно. Хоть случай и уникальный, но... И тут же возникает, в воздухе повисает, незадачный вопрос: а сейчас что? Получается нынче таких сержантов нет? Не рождает земля русская своих «платонов и ньютонов»? То есть мы — очистки картофельные, никуда не годные, разве что на корм свиньям...

— Не так экстремально, мой молодой друг,— Глеб даже хохотнул от удовольствия, так ему пришлось по душе Севкина запальчивость и просквозившая в его монологе очень детская и явная обида.

— А что ему еще думать-то остается? Собственно, можно всю историю истолковать именно «по Севке».— Стас даже взъерошился от солидарности и в кресле поднялся; сидел теперь с прямой спиной, а не развалившись бесформенно.— Конечно, автор, справедливости ради, заметил, что самородка в итоге на первые роли не пустили, но вроде как ему этого и не особо требовалось; он, видите ли, кайф получал от самих занятий наукой. Естественно, что нынче таких блаженных едва ли отыщешь. И старина Лоренц, что из следующей беседы, нобелеат будущий, знаменитый ученый, создатель науки этологии, в советском плену ведь также на блаженного смахивал, только у него блажь была с немецкой прагматической жилкой, себе на уме. Скорпионов, для увеличения доли белков в рационе, кушал, приручал птичек, труд научный писал, врачевал и своего брата-пленного, и наших воинов, охранявших лагерь. «У Гааза нет отказа...»,— помните песенку о другом немаке не от мира сего. Ведь точно, «были люди» и так далее. А сейчас... рукой лишь махнуть остается. Но ведь подобные суждения топором рублены, неотесанны и грубы. Безусловно, люди описаны в первых двух главах незаурядные, достойные внимания и почитания. И Сева воспринимает сказанное, не распрощавшись с остаточным максимализмом, болезни роста, так сказать, не изживши полностью. Но все-таки вопрос в воздухе повисает, а?

— Так ведь все, поведенное собеседниками, нелинейно толковать следует. Не так, что вот тогда и вот сейчас, и однозначно, точнее однобоко, с плеча рубить. Эти примеры — просто иллюстрации для сравнения: насколько изменился наш мир и наша жизнь, ее стандарты, нормы, критерии, стереотипы. Насколько нынче сокрыта втуне, пребывая в латентном состоянии, бескорыстная составляющая человеческого существования, в пользу меркантильной. В наше время, что тут скрывать, от дела, в

том числе и доброго, глобально причем доброго, никто не погнушается, что называется, выгоду поймать. И получается по-житейски правильно, довольно сапожнику без сапог гулять. Но... вместе с тем, не столь уж очевидна сегодня благородная романтика времени и человека в нем находящегося. Все гораздо суше, прозаичнее; даже если шоу устроить, веселье в большей степени «руководящее», обязательное что ли, нежели спонтанно естественное. Вот о чем речь идет, на мой взгляд.— Глеб сделал паузу, оттолкнулся руками от подлокотников кресла и, поднявшись во весь свой немалый рост, стал прохаживаться по свободному пространству комнаты, чуть в стороне от стола.

— И опять, возвращаясь к развитому социализму, столь нам всем сомнительному как минимум. Дело в том, что невзирая на девиз, где недвусмысленно заявлялось, что весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем... А затем, как оказалось даже против воли руководящих интернационалистов, была воздвигнута новая держава со всеми ее атрибутами, только, воленс-ноленс, с использованием опыта, достижений и интеллектуального потенциала прежней. «Из золы не бывает горы»,— как у Василия Яна в книге «Огни на курганах» изрек вождь саков Будакен. Из воздуха, из пальца ничего не создашь. Основа нужна, фундамент. Вот как в технике, где всякое новшество идет от уже существующих образцов, которые нужно модернизировать, улучшать. Так и в Советском Союзе получилось,— взяты позитивные достижения и наработки Российской империи, начиная с военспецов в РККА и плана ГОЭЛРО и заканчивая многочисленными научными школами, созданными выдающимися нашими талантами еще во времена имперские, что были полностью или частично применены для строительства советской промышленности и науки. Об искусстве и говорить нечего. Все «оттуда»: и красные творцы, и не очень, и откровенно... ну, понятно кто. Кстати, Байкало-Амурская магистраль планировалась к прокладке в шестнадцатом году. А реализована была только в семидесятых.* И сегодня вновь на слуху. Вот и все. И вновь тут сожаление проскакивает о бездарности процесса перехода от эпохи СССР к постсоветской России с ее повальными разрушениями всего и вся, с обнищанием народа, с коллапсом экономики. Не по-хозяйски поступили «новые вожди», разрушители. Уже имея опыт предыдущего уничтожения и восстановления, могли бы и побеспокоиться о преемственности и конструктивной сохранности наработанного во всех сферах жизнедеятельности государства, общества, экономики... Ответ же автора — глобализация и поражение советской страны в борьбе с объединенным империализмом.

Стас аж ногами заелозил в ответ, да к тому же зарычал от удовольствия. Это смех у него такой получился.

— Глеб, какая сохранность?! Какая преемственность?! Да у всех в глазах баксы крутятся словно в счетчике, помнишь мультик диснеевский? Всем было и есть до остального фиолетово. Что у нас, что во вновь возникших суверенных и незалежных. Там национальные элиты жирный советский пирог делили, и у нас чем хуже? Народ... да они на нас положили с прибором, живите, как знаете, хоть подохните все тут, плевать...

— Зато в романе, глядите, какие люди прописаны: они и своему таланту домощенному, в секреты государственные встраивающемуся, кислород не перекрывают. Пусть, дескать, парень старается, авось... а ведь в реалиях очень даже могло быть

* Здесь сдвиг мотива на цель: одно дело спроектировать, совсем другое — осуществить. Тот же ГОЭЛРО. Кстати говоря, БАМ активно строился еще в тридцатых годах, но с началом Великой Отечественной войны все плети рельс со шпалами на готовых участках БАМ'а были сняты и перевезены для прокладки рокадных железных дорог вдоль иранской границы и по левому берегу Волги — понятно для чего.— Прим. ред.

и так как в нынешних телесериалах: черный воронок, камера, следствие, и — в лучшем случае — курорт вроде Норильска либо Караганды, а то и вовсе стенка. Шлепнули бы — от греха подальше, а то куда он лезет, тля этакая...

— Подобный вариант не исключался,— моментально отреагировал Глеб на Севкину реплику. А тот, точно воодушевившись от неожиданной поддержки, взвился вновь.

— И с гитлеровцем пленным как возжакается- цацкается тот же лейтенант Степан? С недобитком нацистским, энэздэапэшником*, а значит с идейным фашистом? О-очень лояльно! Сверхлояльно! И научный труд царапать позволяют, ученый же чувак! И солдат врачевать хворых, хотя бы и самогонки перепивших, это врагу-то, способному черте чего натворить! Ан нет. Русский человек он в драке лют, а к поверженному гневом отходчив, даже милосерд. Мне кажется, что в данном случае мы имеем дело с прямым авторским кивком в сторону людей того времени — они явно нравственно лучше нас нынешних. Хотя, попадись на пути будущего нобелевского лауреата особист более въедливый и чинодрал, раскрутил бы он «дело» о вредительстве, подготовке диверсии и потакании врагу. Что-нибудь в подобном роде. И полетели бы головушки во все стороны...

— Сева, автор просто приводит конкретные примеры, наглядно показывая, насколько жизнь может быть вариативной и непредсказуемой. Но в том-то и дело, что прототип у сержанта Игоря Прокофьева реальный, и все его достижения в науке неоспоримы: водородная бомба и «Токомак» в СССР были созданы, а Конрад Лоренц вообще в науке историческая личность. И то, что на их пути люди попались стоящие, не топчущие и не жрущие ради собственной корысти себе подобных, не ожесточенные войной и всеобщим горем, восстановившие свою страну в кратчайшие сроки (для созидания нужны добрые чувства, а не злость и ненависть), тоже факт неоспоримый. Здесь историческая преемственность: эти прекрасные качества русскому человеку были присущи и во времена Империи Российской, и еще ранее, и после февральско-октябрьских переворотов, перетекших в ожесточение «той единственной Гражданской...». Следовательно, идеология идеологией, а человечность и гуманность инвариантны. Вот Николай Андреевич с Игорем Васильевичем и тянут нить бесед своих вполне логично, соотнося влияние времени на человека, а также мысли и деяния людей в разное время.

— Слушай, хозяин добрый, а отчего у тебя в пасторальном владении нет никакого скарба ушедших эпох? Ведь дом-то древний, а мы во! — кипяток в пластиковой штамповке варим, нет бы самоварчик какой-никакой, пузатый, медный... Мне все время, когда в эти хоромы былых времен приезжаю, он мстится на столе. Даже вот сегодня пока ехали, я все мечтал, как чай из «старого медного балагура» бум гонять, шишки там ольховые и все такое.

— Стас, дружище, да я сам не прочь бы, только вот этого самовара отродясь не помню. Бабушка вспоминала, мол, был такой, и керосиновая, кстати, лампа-семилинейка была, подвешивали ее вместо люстры под потолком..

— Вот я и говорю,— Стас, словно полностью его удовлетворил ответ Глеба по поводу раритетов былого быта, вернулся к прежней теме.— Товарищи эти, профессор с доцентом, на столь высокий уровень обсуждения забрались, так планку задрали... Как будто в те «старосоветские» времена мало было ничтожеств, подлецов, ничемных людишек... И ведь следующие беседы их о чем? Правильно, о «цыганских факультетах» и «хиршемании», то есть о подмене действительно научной деятельности, а

* От кальки с немецкой аббревиатуры: NSDAP — National-sozialistische deutsche arbeiter Partei: Национал — социалистическая рабочая партия Германии, то есть правящая (гитлеровская) партия Третьего Рейха (1933—1945), эмблема которой, красное знамя с черной свастикой в белом круге посредине, являлась и государственным флагом.— Прим. ред.

равно и воспитания-обучения специалистов высокого уровня в различных отраслях науки и техники, о подмене всего перечисленного абсолютно ложными действиями, псевдокритериями их оценки, о создании видимости значительных свершений.

Когда все сие началось? Правильно, с «лихих девяностых» и в наше нынешнее время раскатилось. И ведь возражать им сложно. Смотрите сами, как новоявленные университеты, аки грибы после дождя расплодились, новые факультеты буквально придумывали на бегу, статус вузов стремясь сделать весомее практически любой ценой. И тот абсурд о менеджменте в фармакологии и медицинской технике с привлечением натуральных цыган из табора, хоть и порядком уже оседлого, с бароном, проведенным в доценты, с солистами хора, ставшими старшими преподами — это ведь «живописное» отображение реальности. Ибо «фольклор в фармакологическом менеджменте» звучит вполне солидно. Попробуй оспорь. Да и курс «рекламы в эпоху тоталитаризма», который любезно не отказался читать Игорь Васильевич... И правильно, зачем отказываться, деньги терять, которые на благое дело идут?! В эпоху абсурда нужно жить по ее правилам. Не ты, так другой подхватит упавшее знамя.

Вот и вся учеба, процесс, так сказать, подготовки кадров для нового сектора «экономики» и одновременно расширение сферы научной и учебно-педагогической деятельности. Дом умалишенных, «Кашенко», скажете? Не-е-ет, други, это наша обыденная жизненка. Впрочем, и в других сферах несуразниц полнехонько. А от индексов научной значимости по мистеру Хиршу и по сей день наши ученые не знают куда деваться. А ничего не попишешь, ведь в остальном мире бредятину эту приняли и запустили в обиход. Глобализм! А нам остается бежать вослед западным коллегам, дабы соответствовать мировым «стандартам» и не прослыть вновь деревенщиной отсталой. И ведь самое удручающее в том, что никак не оспорить «важность» подготовки специалистов менеджмента в области фармакологии; они нужны, коли есть отрасль такая, есть рынок, конкуренция и прочая. Ну, а индекс Хирша какой-то постмодерн в науке, когда качественные оценки попадают в прямую зависимость от количественных, от упоминаний, ссылок и цитирований твоих «трудов» в «трудах» коллег и оппонентов. Дурдом, возведенный в норму. Как у Довлатова,— «*абсурд становится реальностью*». И подобное далеко не предел. «Все впереди»,— как озглавил свою известную в свое время книгу выдающийся наш писатель Василий Белов. Вот наглядная демонстрация процессов деградации интеллектуальной сферы деятельности человечества. Или, Глеб, я не прав?

— Прав ты, брат мой, в том, что верно описал сами процессы, но есть надежда, что оные не станут глобальными тенденциями, в чем автор «Бесед» резонно сомневается. Реальная потребность в образованных специалистах и действительно ученых, занимающихся актуальными темами, а не индексацией своих якобы успехов, перетянут любые ухищрения и псевдоусилия. Как и потребность в истинных профессионалах — от рабочих специальностей до фундаментально научных. Вот за какую реальность «тянут» наши собеседники. Они ведь не ретрограды какие-то и не идейные борцы за светлое прошлое, они — образованные мужики, знающие цену нормально устроенной жизни и реальным делам, и прекрасно различающие где злаки, а где плевелы. Оттого их и не сбить с панталыку внешними скороспелыми новациями. Они за правильную постановку дела, и в сожалении их о различных забугорных «новшествах», а равно и отечественных «ну и хау», немало мужества и стойкости. Вот что ценно.

Глеб умолк, в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем старинных ходиков, висевших на стене. То ли собеседники не нашли, что ему ответить, то ли попросту утомила их беседа и решили они взять тайм-аут, дабы собрать воедино мысли и ощущения. Стас налил себе чая, Севка потянулся до хруста в суставах, крякнул довольно и стал изучать свои ладони, словно желая обнаружить в них

нечто новое, Глеб же, в половину своего шага приблизившись вплотную к столу и вооружившись ложкой, с чувством продегустировал варенье в банке, зачерпнув из нее с горкой. И повторил с явным удовольствием, после чего также возжелал чаевничать. Молчание друзей могло свидетельствовать о достигнутом согласии или наоборот о появлении неких контрверз высказанным доводам, но... у каждого из них появилось ощущение, что думают сейчас все об одном и том же, только по-разному. Оно и понятно, Вон, Глеб и Стас, что называется, хлебнули лиха девяностых полной мерой, они знали обо всем не понаслышке и помнили ту пору весьма отчетливо даже по прошествии четверти века; означенная пора оставила свой рубец и на шкурах, и в головах. Когда тащишься по тропе и вдруг срываешься в бездну... В лучшем случае жрать нечего — жить незачем. Это если не заинтересовались тобой добры-молодцы-самаритяне, свято исповедующие заповедь «не хотите по-плохому — по-хорошему будет хуже». Недолго и обмишуриться со страху. Такое не забывается, даже если уверен, что исчез едкий и стыдный морок... В урочный час все вспомнится, неведомо каким манером, а все одно, не упредив, шарахнет память над твоим ухом из дивизионного миномета... Для Севки же смутные времена были отрочеством и юностью, он и относился к ним совершенно по-иному, гораздо проще и легче. Да и вообще, в силу относительной своей молодости, еще не вполне различал полутона и оттенки, предпочитая контрастность как признак полной ясности. Оттого наверное он еще вполне воспринимал песни Виктора Цоя.

И чего это нашим героям повествования упорно приходят на память «лихие девяностые», хотя в обсуждаемых книгах время «действия и сравнения» то, что сейчас за окошком? Значит, истоки сегодняшнего в тех «ликих»... Ничего без причины не бывает!

Стас ни с того ни с сего, впрочем, очевидно статичность положения заела, рывком вышвырнул грузноватую свою плоть прочь из кресла, и, явно дурачась, сделал несколько мелких прыжков *a la* зайка в направлении окошка. Опершись ладонями о подоконник и обозревая беспощадно увлажняемую разгулявшейся стихией пастораль, он, не оборачиваясь, коротко и неожиданно громко точно каркнул Глебу:

— Книга как? — и попытался забросить взгляд за плечо, примерно в сторону расположения адресата своей реплики.

— А *книгокак* это что за зверь? — раздался за спиной Стаса привычный в подобных случаях ответ — прямое следствие старинного «дарвалдая, сотворенного незабвенным князем Вяземским».

— Либо несознательный издатель попадаетеся, либо вреднейший главред некоего литжурнала,— тут же с авторитетным видом отозвался Стас, прервав свои фенологические наблюдения и повернувшись к окошку спиной.— Знаешь, меня батя как-то прибауткой рассмешил, сейчас припомню, там что-то вроде: писатель денег попросил, лицо являло боль и муку, но гвоздь, скажем, редактор положил в его протянутую руку.

— Поиск средств на оплату корректуры и типографских услуг продолжается с завидной безуспешностью,— Глеб как-то даже вполне поощрительно улыбнулся дружескому ерничеству.— Собственно, абнакновенно усе. Помыкаюсь, но сию тему добыю в итоге. И кстати, наши герои Андреянычи-Васильевичи и данной теме один из своих «четвергов» посвятили. Помните, парни, как они пригласили с собой главного редактора журнала «Срединная Россия», этого, как его, Андрея Матвеевича, и тот за чарочкой в лицах расписал им собрание в редакции с участием читателей и писателей. О-очень показательная тусовка. И куча всякой всячины наружу поперла.

— Только я не врубился,— нежданно встрял в разговор явно утомленный долгим молчанием Севка.— В чем же конкретно это умозамещение состоит? Что, мои мозги от ваших теперь отличаются? Я что-то не заметил.

— Сева, остуди головушку. Речь идет о замене образа мысли от аналогового к

голою цифре. Но об этом, мой юный друг, чуть позже. Хотя... в упомянутой главе о слете в редакции фигурирует среди прочего отказ, в виду отсутствия тугриков, от привычной полиграфической формы журнала и переход на электронную с возможной печатью по требованию. И вот, читатель, ранее вынужденный затрачивать некоторые усилия на приобретение, на выписку, например, или поиск и покупку определенного номера вожаемой художественно-литературной периодики, ныне просто «кликает» мышкой и вуаля — журнал к его услугам. Изменится ли со временем образ мышления читателя по крайней мере в данном направлении? Несомненно и бесповоротно, хотя прогрессивная сущность электронной формы журнала здесь явно налицо. Куда как демократично, а главное — весьма доступно для молодых... если те сподобятся удостоить вниманием столь отстойный по их мнению сайт. А еще преимущество «электронки» в том, что именно она решает проблему тиражности, делая последний, по сути, неограниченным, не в пример полиграфической форме, далее нескольких сотен экземпляров, как правило, не взлетающей. Это в советские времена тиражи достигали немислимых сотен тысяч. Да и книги... Помнится, у отца вышла книжка детских стихов «Я на севере живу», так ее тираж был сто тысяч при цене четырнадцать копеек. И журналы не пылились в редакциях, сваленные кучей ненужного хлама, а распределялись по необъятным просторам одной шестой части земной суши. Сегодня аналог этому именно интернет. Печатная форма безнадежно проиграла электронной. Но далее...

— Стас, что это? Откуда? Оттуда? Понятно, партизан, в сенях заныкал бутылку своего разлюбезного рома. И конечно же бутылек «ноль-восемь», чтобы троим на посиделку хватило! Нет? Ах, цельный литр! Йо-хо-хо! А где попугай капитан Флинт? «Я потерял ногу в том же деле, где старый Пью потерял свои иллюминаторы». Ладно, без всяких там «сундуков мертвеца» обойдемся. Рюмки, знаешь, в стенном шкафчике. Сева, надо бы заварить чайку свежего. Однако же, други мои, стремящиеся к праздности во славу Вакха, воистину достойна уважения позиция главного редактора, наотрез отказавшегося от взимания платы с авторов за публикации их произведений на страницах журнала! Несмотря на самое, что ни на есть, уязвленное финансовое положение редакции. Вот уж воистину «мы все пройдем, но флот не опозорим, мы все пропьем, но флот не посрамим». И впору бы авторам встать парадной коробкой и под фанфары восхвалять славного за них радетеля... Только вот авторов нынче переизбыток. Отчего же, спросите? Да все от них, от графоманов. Несть им числа и нет на них никакой управы...

Бездарные писаки энергичны и сосредоточены на цели аки пчелы альбо муравьи, они упорны, а эта цель их — попасть на страницы чего-нибудь печатного; ей они служат честно и свято. Да погоди, Стасик, не гони осликов на водопой, успеется, у нас засуха нынче не в моде, вон как хлещет с небес и конца-края не видать. И вот тут у меня реминисценция интересная насчет того, что во времена развитого социализма, хочется там или не хочется кому-то, но Союз писателей был надежным защитным барьером от подобной шатни-братии. Я тут намерен с дяденькой одним схватился в подобном единоборстве. Он орал, мол, Пастернак Борис Леонидович вообще считал, что не должно быть никаких союзов, а раз так... Ну, что же, классик имел право на свою точку зрения. Но!.. И высказанный мною «тезис» неоспорим, поскольку так и было. Правда, вместе с воинствующими бездарями на этом барьере висли и подлинны таланты, не выполнявшие несложные «правила игры»... Но сегодня-то вообще на «графьев» управы не найти. Они населяют страницы бесчисленного количества «братских могил», сиречь многостраничных альманахов, издаваемых частным порядком от Калининграда до Владивостока и обратно, они выпускают книги за свои кровные, они лезут в те же «союзы»... Бр-р-р...

Глеб притормозил свою филиппику, чтобы перевести дыхание, и тут же был

премирован рюмкой *Капитана Моргана*. Налил Стас, ибо они с Севкой уже причастились под разглагольствования друга. А тот, опростав сходу рюмку, с размаху, со стуком, поставил ее на стол и поспешил продолжить.

— Да, наличие тысяч «билеченных» писателей во времена советские тоже наводит на разные мысли. На сей счет есть поучительный анекдот, когда ответственный секретарь Тульского областной писательской организации на отчетно-перевыборном собрании приводит данные о численности: дескать, на учете в организации состоит сорок писателей, что в сорок раз больше чем в начале двадцатого века. Из зала кто-то, ничтоже сумняшеся, вопрошает — кто тогда был тем единственным писателем? Лев Толстой, конечно. Но вот свою оградительную, повторяюсь, функцию санитарного кордона на пути графоманов, писательский орден выполнял четко. И не зря упомянуто в той же беседе, что вступить в Союз писателей Красной империи было труднее, нежели стать доктором филологических наук, что практически соответствует истине. Кстати и автор столь горячо обсуждаемых нами книг членом Союза писателей стал в советские времена... Так что, подобно Фоме Аквинскому, он — «тройной доктор», ибо еще две степени имеет: по технике и по биологии.

— Это все красиво, занимательно,— Севка, запустив пятерню в шевелюру, сделал несколько причесывающих движений.— Но, брат мой старший и мудрый, что с самим умозамещением? Я ни бельмеса, по-прежнему, не секу и объяснений внятных от опытных товарищей не слышу.

— Слушай, молодой, хорош дурить,— принятый на грудь допинг явно прибавил Стасу энергии, то-то взвился толстячок. Взвиться-то взвился, но и вновь разнести по рюмкам крепчайший эликсир не позабыл.— Мало тебе «цыганского» факультета? Чем не умозамещение? Прежде, при всех парткомах-месткомках, марксизмах-ленинизмах, подобного цирка быть не могло. А потом пошло-поехало, теперь сплошь одни университеты и намешано в них столько... радиоколбасный вуз, словом, на каждом шагу. Для чего же сотворено? Для расширения спектра обучения? Ага! Щас! Бабло косят, о прочем не думают. Мало тебе? А индекс Хирша, как показатель значимости ученого имярека, сколько раз его коллеги помянули-процитировали, вместо конкретных научных результатов? А читательская аудитория, прежде грамотная и весьма требовательная к авторам, где она нынче? Нету! А что есть? Правильно, потребитель информации, желательно готовой, то есть приобретенной без каких бы то ни было мозговых затрат. Мало, еще сыпануть? Пожалуйста, с нашим удовольствием. Сам контингент литераторов не изменился что ли? Да и союзов, якобы писательских, нынче развелось, кроме двух основных, тьма тьмушья. С одной стороны да, барьеры сметены, желающим *welcome!* А на деле зачастую что? Ладно он там какой-никакой отставной прапорщик по геодезии, так ведь не в чине дело, а в подходе. Правильно пишет автор «Бесед», вложив реплики в уста действующих лиц, мол, вожделеют многие прежде всего наград и премий, пусть не глобальных, областных, а все-таки бонусы некие приносящих. Не Эрато, не Эвтерпе с Каллиопой служат многие, но мамоне, причем даже по мелочи, но ведь приятно, прах побери! Это ли не умозамещение? Вот тебе уже какую социогруппу очертили: от творческих до научных кадров да вкупе с аудиторией бывших читателей и студюзовусов...

Стас лихо выдохнул, чуть отвернув голову в сторону, и не менее ловко шарахнул рома, сразу потянувшись к стакану с крепким, приостывшим чаем. «Сиживал за столом, не беспокойтесь, сиживал»,— проворчал он под нос цитату любимого своего литературного персонажа, на коего в немалой степени внешне и походил. Точнее, так казалось ему самому. Друзья поддержали Стасов порыв, а чуть погодя, Севка, помотав волосатой свой башкой, закуривая, примиряющее продудел, дескать, *well*, убедит-

ли, теперь понятно более или менее.

Очевидно желая дополнить тираду Стаса наглядным примером, Глеб ухватил чайник и демонстративно поднял его над столом.

— Вот смотри, Сев: разница между аналоговым и нынешним цифровым образом мышления, как между недавно помянутым самоваром и этой пластмасской. Оба устройства греют воду, причем эксплуатировать второе несоизмеримо быстрее и проще, нежели первое, а эффект в результате получается обратный, ибо «старый медный балагур» органичнее и, ежели угодно, душевнее. Стоит себе, медью древней кичится, можно сапогом его раскошегаривать, чем не сказка?! И кипяточек для заваривания чая с дымком из него брать приятнее. А этот, современный, правда старый уже, вон белые бока пятнами желтоватыми пошли, стареет пластик да еще термовоздействие сказывается, этот поэзии не содержит, он из серии «схватил-побежал». Ну, правильно, современный темп ежедневности и прочая лабуда. Только вот увлечься этими самыми ритмами, а равно и веяниями, нужно поаккуратнее и с максимально возможным вниманием и анализом происходящего.

— Во, братан, правильно,— Стас, улучив мгновенье, вернулся в беседу.— А то получится в точности калька с очередной «беседы», как ее бишь — «Паранойя за клавиатурой», где чувак один, Денис Охлопкин по тексту если, ботан конечно, аспирант и прочая, примерный семьянин, на работе «полный компресс», но вот загвоздка — подсел парень на компьютерные игры. Да столь плотно, что сам не заметил как соскочил с катушек. Ему там один злобный покемон не давался. А тому покемону нужно было по условиям игры голову с плеч снести, чтобы выйти на следующий уровень и стать оруженосцем рыцаря Артура. Вот ведь пурга несусветная, а будущий кандидат наук повелся. И таки башку покемону срезал... Косой из сарая на батиной даче. Батя его после обеда покемарить прилег, ну и аккурат за покемона и сошел... бедолага. Выловили сыночка чуть позже, когда он с папаниной головушкой в руках по дачному поселку бегал и блял, что стал наконец-то оруженосцем. Нормально? Во — умозамещение! Куда уж круче.

— Слышь, парни, айда на веранду, вроде бы стихать стало на улице, и надымили тут: топор повесь, так не свалится,— Севке явно наскучило быть объектом внушения. Он встал, опять с хрустом и томным стоном потянулся, сколько, мол, скрюченным просидел, и двинулся на выход. Глеб со Стасом не возражали, очевидно тоже утомились пребыванием в четырех стенах, и потянулись следом. Веранду Глеб пристроил к избе недавно, маясь отсутствием физической нагрузки — не все же за столом корпеть, в компьютер уставившись. Писанина писаниной, а топориком тоже поиграть не грех, особенно если умеешь. Глеб научился кое-чему у деда, тот-то плотник был записной, из соседних районов приезжали к нему, просили пособить в строительстве, да и папаня был мастер не из последних. А заодно с верандой и крылечко новое пришлось ладить, прежнее совсем обветшало, то и дело грозило развалиться. На веранде было прохладно и сыро, в двух местах на полу поблескивали лужицы. Глеб поднял голову: так и есть, кровля протекает немного, надо будет подшаманить. Он толкнул дверь и шагнул на крыльцо.

Ливень иссяк и сменился моросью. Этим летом солнышка явно недоставало, зато воды с небес пролилось с лихвой, оттого и пошла буйно в рост всяческая зелень, годная наверно лишь на корм животине. Собственно, Глеб отнюдь не сокрушался на этот счет, все равно никаких грядок-посадок он не делал, наезжая в дедовский дом лишь когда город вконец опостылевал, и не было сил справиться с воинствующей урбанизацией. Да уж и нынче тут природа разошлась вовсю, вон как одуванчики пообочь крыльца раскинулись, прямо-таки колосятся. Да по периметру всего дома и далее до изгороди травушка-муравушка явно по косе скачет. Надо будет заняться,

уделить хозяйству внимание. А траву соседке отдать надо, пусть своих кроликов потчует. Или не кроликов? Кого она нынче пестует-разводит. Бог ее знает...

Стас толкнул его в спину, чуть отодвинул, выглянул на свет божий.

— Куда это ты уставился, дружище? Тут у тебя и глаз положить не на что, перспектива скрыта изгородью раkitника, кстати, давным-давно пора его проредить, а вблизи сплошной сорняк, в лучшем случае кормовой. Да ведь у тебя кормить-то некого.

Стас позвал Севку, курившего в глубине веранды.

— Эй, ты, гений эпохи вырождения. Вот тебе наглядная модель умозамещения, глянь, да подойди ты сюда, младень ленивый, вот, глянь, говорю, раньше здесь все грядки были, иная зелень там росла, укроп, лук, а там вон клубника, и горох сажали... А нынче нету ничего, только вон эти ядовито-желтые повсюду, ну и прочая сорная травка. Так и в мозгах, откуда они «возделаны» у тебя — одна песня. А стоит подзапустить малость, глядь, уже сорняк все завоевал — не выведешь. Понял, младень? Шиш ты понял наверное. Да тебе поди оно практически до лампочки. Тебя это умозамещение как раз и накрыло. Хотя ты и правильный чувак. Ваше поколение уже с траченными мозгами... Чем траченными? А все тем же, гаджеты-маджеты, думать не надо, надо знать, точнее угадать одну цифру из трех. И вообще, как мне один деятель заявил, из молодых да ранний, мол, главное — оказаться в нужное время в нужном месте и в нужной команде. Лови момент, короче говоря. Правда, наши собеседники в книжке-то утверждают, что у нас, у русских, даже в грядущем умозамещении пока что свой, особенный путь. Конечно, сопротивляться объективным общественным процессам можно, но в итоге проиграешь все одно. Уж не знаю, что нас спасает в итоге — то ли природная привычка существовать параллельно с объективной реальностью, в частности с властью той же, а может общая технологическая отсталость, даже не отсталость, а несогласованность освоения новаций в купе с казнокрадством руководителей и мздоимством чиновным. Не знаю, посмотрим. Но то, что образ жизни, меняясь разительно, врещет нам по мозгам, сие аки божий день ясно. Бытие оно что? Правильно, Всеволод Батькович, определяет сознание. В народе, правда, хождение имела несколько иная интерпретация, мол, «битие определяет сознание». Как говорил один писатель у Стругацких: «Народ сер, но мудр». Глеб, о чем замечтался? Так и будешь торчать на крыльце? Подышали немного и хватит. В город ехать сейчас рискованно, неизвестно что там на лесной дорожке, раскисло все наверное, точно застрянем, ищи потом трактор в округе. Подождать надо. Пошли-ка в дом, обедать пора. А то от чая уже кишки скрутило...

Глеб же, оценивая Стасовы умозаключения, вдруг подумал, что образ с сорняками не вполне удачный. Тут корректнее было бы говорить о гидропонике. То есть все соотносится как традиционное земледелие и беспочвенное, когда питание растений происходит по шлангам-трубкам посредством водной среды. Кстати есть и хайпоника, где вообще воздух используется в качестве носителя питательных веществ. Этими способами можно вырастить лимон величиной с арбуз или сливу, напоминающую здоровенную тыкву. А ведь и верно, с виду то же самое, только больше, однако в данном случае, как говорится, размер имеет значение. И то же, да не совсем. Вот тебе и умозамещение на фоне глобализации. Глеб вздохнул, он не станет сейчас смущать друзей своими озарениями. Какая разница? Все аллегории условны. Пойти что ли и вправду ши разогреть да порубать как следует. Мозг не должен голодать ни в прямом, ни в переносном смыслах, а то и впрямь заместится чем-нибудь нештатным.

«СТРАННАЯ СТРАННОСТЬ, ИЛИ КРИТИКА ЧИСТОГО ЧУВСТВА?»

Дедовский дом, в остальном, кроме нижнего венца, крепкий еще пятистенок, располагался на отшибе от остальных деревенских построек, в полукилометре, а то и чуть более, практически на берегу речки, на самой излучине, так что виден был, с какой стороны не подходи-подплывай. Прадед так решил, и сколь его не уговаривали построиться поближе к «обществу», дескать, оно и в случае чего помогать сподручнее, случись, не дай бог, тот же пожар, упрямый мужичина только сопел в ответ, чуть подкидывая топор в ухватистой, умелой, здоровенной правой клешне, отрицательно мотая головой и приговаривая любимое свое «не бойсь». Со временем, уже при советской власти, между околицей деревни и домом отшельника была по прихоти районного начальства разбита роща, чтобы, значит, люди после трудов праведных гуляли и отдыхали под сенью лип, ясеней и кленов. Деревья прижились, пошли в рост, заматерели, уцелев, как ни странно, во время войны, и теперь на месте рощи шумит внушительный такой лесок, вполне себе ягодный и грибной. А к деревне, аккуратно сквозь него, ведет то ли широкая тропа, то ли узенькая, с автомобильную колею, дорожка, в дождливое время совершенно раскисающая, и одолевать оную приходится на второй или вообще на первой передаче.

Глеб-то как раз и считал самым ценным в этом доме его расположение. Вид с излучины потрясающий, противоположный берег низкий, понятно, пойменные луга, по весне их топит разлив речки, а дальше взлобок широкий и лес вековой, до коего еще не дотянулись загребущие лапы алчных самопильщиков, то и дело «пошаливающих» в глуши по старой памяти. Топкий берег помехой, а с другой стороны, со стороны леса то есть, вообще никаких дорог, шоссе в двух десятках километров пролегло, только пешком по тем лесам хаживать, да и то в буреломах умаешься. Глеб с парнями не раз в тех чащобах бывал, грибы там потрясающие, собирать их толком некому, знай себе прут на белый свет, достигая гигантских размеров, старея и трухлявея, сеют споры для новой поросли, ежели не достаются «тихим охотникам». А этим самым тихим охотникам откуда взяться? Горожане обленились вконец, есть и поближе грибные места и ягодные, а местные... Из города сюда лишь прожженные энтузиасты навроче Глеба добираются. А в деревне пара десятков домов осталось, да три семьи хозяйствуют, «фермерствуют» — на новом языке. А еще бабушка Ульяна живет, две козы у нее. Вот и все народонаселение.

Кастрюля с щами грелась на электроплитке; вот тоже чудеса, дом в сторонке, а электричество есть, как и в деревеньке. Линию электропередач, магистральную, совсем неподалеку проложили еще в конце пятидесятых, оттого и протянуть провода к домам оказалось для колхоза не накладно. А потом и дед добился, чтобы его жильё приблизили, так сказать, к цивилизации. Пошумели на правлении, не без этого, но в конце концов бросили нитку к дому; не оставлять же без света бригадира, передовика и орденоносца. Пока друзья охотно, с шутками-прибаутками, копошились, накрывая стол, тарелки там, хлеб, огурцы соленые еще имелись, к тому же сало, Глеб решил протопить печку-голландку, крепкую кстати, еще дедом сложенную, и вышел за дровами. Сарай-дровенник стоял на заднем дворе, стоял еще крепко, только вот крышу надо было перекрывать, да руки опять же не доходят. Глеб отворил дверь настежь, припер ее камушком, поблизости для этого и положенным, чтобы не закрылась, и вошел внутрь. В сарае было довольно светло; прорехи в заднем скате крыши, небольшого окошка в торцовой стене, свободной от поленицы, вполне достаточно для

* Алексей Яшин. Женщина в человеянике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. ред.

того, чтобы совершить нехитрые манипуляции с дровами.

Впрочем, если что, есть и переноска с лампочкой, вешай куда хочешь, шнур длинный, розетка у дверного косяка прикрыта квадратным лоскутом из старой автомобильной камеры, над розеткой прибитым. Влагозащита значит. Глеб с досадой вздохнул и покачал головой, ведь и стационарное освещение было налажено, да вот в позапрошлом году ураганчик легкий по окрестностям прогулялся, он и оборвал провод. Один из местных фермеров, по совместительству — по первой профессии, электромонтажник, все обрывки убрал, а вновь проводку тянуть у него тогда времени не было. Точнее, сказал Глебу, мол, будешь готов, маякни. Вот Глеб до сих пор и готовится. Все руки не доходят, тоже мне хозяин.

Дрова лежали так, чтобы дождь свозь дыры в крыше их не тронул, не подмочил. Глеб набрал охапку в обхват и выбрался наружу, ловко ногой откинув камень и затворив дверь, сыро хлопнувшую ему в спину. Да, сараюхой тоже надо заниматься... всем надо заниматься... жить, что ли сюда переехать? Так ведь Кира — она не поедет, и я запираю здесь молодую, городскую женщину не в праве, она вон какая! А какая, собственно, растакая? Да брось ты, понятно же, Кира современная, продвинутая, красивая и умная дама. И при деле при своем. Переводчик она высокого класса. Привозить ее сюда? И что ей тут? Коров доить? Стоп, а где те коровы? Интернетом в нашей глухомани, может и к лучшему, не пахнет, приехать просто отдохнуть разве что... Отдохнуть? Она где отдыхает? Вот то-то же!

На мокрых ступеньках крыльца Глеб поскользнулся и едва устоял, балансируя охапкой дров. Вот было бы дело растянуться с этими деревьями на грязной земле? Впрочем, мать-сыра-земля она не выдаст, контакт с ней наверное больше пользителен, ибо отрываться от родной почвы не след, усмехнувшись, подумал он. Свалив дрова на стальной лист, покрывавший пол у печи, и стал драть с поленьев бересту, затем принес с веранды маленький топорик, наколол лучины. И вновь, пока почти автоматически, с детства заученным порядком снаряжал топку, вернулся мыслями к Кире. Кира. Современная женщина, ничего не попишешь. При деле, деньги зарабатывает приличные, хата есть, тачка тоже, на ногах стоит крепко. Мать-одиночка? Да, мать-одиночка, но это для нее не повод плакать в чью бы то ни было жилетку. Она и матушка ее сильные дамы. Мама Кире, кстати, тоже еще та львица. Держится молодцом, следит за здоровьем и ничуть не бедствует. «Женщины в человеинике»? Пожалуй. Тыфу ты, дьявол, угораздило же автора так третий роман свой озаглавить. Зиновьев, конечно, молодец... тот, который Александр, мыслитель и «трижды диссидент».*

— Эй, деятель! — из кухни выглянул Стас. — Господин истопник, у нас усе на мази, ром степливается, щи стыннут, сало — сам понимаешь. А ты тут над дровами чахнешь. Думу что ли какую думаешь? Давай за стол! Стас выжидающе завис в дверном проеме, уперев одну руку в косяк, а второй надавив на дверную ручку. Глеб молча кивнул и достал из кармана зажигалку. Пламя занялось быстро, все-таки дрова не успели отсыреть, дождь их не тронул. Посмотрев с полминуты на завившуюся в трубочки бересту и жадно пожираемую хищными оранжевыми, с легкой синевой языками пламени лучину, он закрыл печную дверцу, заложив в паз запирающую скобу, поднялся, отряхнул джинсы на коленях и отправился начисто мыть руки. Умывальников в доме было два, в кухне и на веранде. Глеб любил второй, объемный самодельный бак из нержавейки. В нижнее днище бака был вварен кран, чтобы вода расходовалась до конца. Хороший бак, батя на заводе в свое время сделал, литров на двадцать, не меньше. Умывайся не хочу! Глеб вымыл руки с хозяйственным мылом,

* Первый раз в СССР: выслан за инакомыслие; второй — в Западной Европе, в Германии: замалчивали за яростную критику капитализма — империализма; третий — в нынешней России, читай его «Русскую трагедию». — Прим. ред.

сполоснул лицо, поморщился не вполне чистому полотенцу, но утерся все-таки, определил рушник в корзину для шмоток и тряпок, предназначенных в стирку, отправился на кухню.

Стас и Севка уже расположились за столом, в трех тарелках парило вполне еще горячее варево, в кухне пахло щами, щедро и очень по-домашнему — не разваренной капустой, а именно щами. Глеб умел их варить, бабка научила, спасибо ей, Акулине Макаровне, знатная была мастерица, в том числе и по кулинарии. Бутылка рома, точнее полбутылки, если судить по содержимому, на столе также присутствовала по соседству с миской, полной соленых, слегка помятых, огурцов и горькой нарезанного небольшими кусочками сала на разделочной доске. Так, хлеб в плетенке есть. Можно приступать, тем паче, что дежурная порция рома уже в рюмках.

Когда, уже отобедав и подкинув дров в печку, Глеб вернулся на кухню, Севка, сам того не осознав, вернул его к недавним размышлениям. Брякнул ни с того, ни с сего, мол, а что же Кира сюда вообще не ездит отдыхать?

— Была пару раз за те полтора года, что мы знакомы. А так... — Глеб пожал плечами. — Что ей здесь? За грибами-ягодами она ходить не станет, не приучена; рыбачить, ха-ха, тоже, ей тут скука смертная. Она же с матушкой то в Эмираты, то на Ба-ли, то на вечно гнилой Запад... в городок Париж, например. Продвинутые современные дамы... «Женщины в человекнике».

— Термин сей, — Стас поежился, — уж больно конкретный и ассоциативно одно-значный, аж дрожь пробирает, как представишь. Зиновьев в точку угодил с определением современного общества. Кстати, название какое-то на первый взгляд несу-разное, а? Но вот начинаешь читать роман и понимаешь, что в целом можно и так его назвать. Это ведь такой роман неклассического вида, исследование, хоть и состоящее также из новелл, нанизанных на лейтмотив...

— Там, кстати, в начале самом класный экскурс в историю города, правда? — заметил Севка. — На первый взгляд вроде бы и ни к чему, ну, действительно, какое это имеет отношение к основной теме? А потом начинаешь пропирать: ведь это пре-амбула такая неявная, дескать, мир безвозвратно изменился. Вмещающий ландшафт, если по Гумилеву. Вот и вводит автор действующих лиц в до неузнаваемости изме-нившийся ландшафт. Значит что? И человек также меняться будет, если не уже... И женщина... Вот о «Беседах» говорили, дескать, дамы умозамещению менее подвер-жены, особая логика мышления, эмоции и прочая. Так третья книжка получается и призвана этот вопрос раскрыть, какие они нынче женщины наши. Я читал-читал и понял, что всякие они, хоть в человекнике, хоть где.

— «Просто люди должны быть похожи на людей», — задумчиво проронил Глеб и сразу оживился. — Помнишь, Сева, детский фильм был, хотя ты вряд ли его смотрел, «Король-олень», там Олег Ефремов волшебника играл и песню пел с этой строчкой. Вроде бы банальщина, да? Ан, нет, ибо не оспоришь тезис. Хоть так верти, хоть этак. А женщина должна оставаться женщиной. Не зря же главной героиней романа имен-но Елизавета Васильевна выбрана. Именно этот типаж и становится краеугольным, базовым. А все остальные, получается, некие флуктуации от нормы? То есть чувства и побудительные к действию причины, в основном, инвариантны и за тысячелетия не изменились. А вот технические, если угодно, средства воплощения их в жизнь, они да, развиваются и видоизменяются. Но по идее женщина, лишенная присущих от века женщине качеств, таковой и быть перестает. Равно как и мужик. Лиши kota его повадок и манер, его свойства падать всегда на четыре лапы, в частности, и что от kota останется? Так и с дамами может произойти...

— Ты скажешь тоже, дружище, — захихикал деланно Стас и в своем кресле чуть ли не разлегся, аж ногами засучил от удовольствия. — Подумаешь, цаца какая эта твоя Елизавета Васильевна. Горный родник ея души и вообще. Кстати, твою Кирку

напоминает... Что? Только вот давай без обид. Я ничего плохого не сказал, не скажу и не подумаю даже. Просто аллюзия. А насчет «женщина должна оставаться женщиной», так сие весьма условный тезис. Огласи его сейчас записным феминисткам, они тебя тут же с навозом смешают, если не кастрируют. А модус вивенди и модус операнди* современной дамы каковы вообще? Спектр, конечно, не узенький, но... но, согласишься, дружище, на первый план выходит прагматическая составляющая. Так? Но ведь так! Вот в романе та же Вера Тимофеевна есть явное противопоставление Елизавете твоей... Ну, не твоей, ладно, не цепляйся. И согласишься, симпатий эта самая Вера не вызывает никаких. Живет с мужем, коего не уважает, ни в грош не ставя и как мужчину, тоже мне Клаудиа Кардинале, похаживает на сторону, однажды заражая мужа понятно какой хворью, тут и комментарии излишни. Все ясно, крутит «служебный» романчик с руководителем своим ради меркантильной цели, сиречь увеличения оклада содержания и прочих бонусов, и очень-очень завидует другим дамам навроде Светланы Аркадьевны, действительно провинциальной львицы, эффективной, упакованной, меняющей своих мачо по собственному хотенью. Отличные картинки. Портреты современных женщин. Гойя отдыхает. Это же «Капричос» своего рода. Дожили...

— Кстати говоря, главная героиня не просто так и сны видит, тоже мне Вера Павловна наших дней, и записи ведет, причем записи тезисные, о том, что женщине свойственно и в ее сущности, и в поведенческих стереотипах. Чувствуется научный подход, следующим шагом явится систематизация всех этих записей по определенным признакам. Ученый, он во всем ученый — Севке явно надоело играть в молчанку, выслушивая тирады друзей.— Автор, кстати, тоже от науки, доктор** и все такое, ощущается сразу. Оттого и роман получился очень нестандартный, странноватый, проще говоря. А мне вот эти отвлечения на записи дневниковые откровенно скучно было читать. Человеки и бытие человечье слишком стохастичные явления. Как там у Стругацких, не помню о чем конкретно сказано: «Стохастичнее, чем игра в орлянку». Во-во, правильно. И систематизации, к ним применимые, всегда условны, хотя и верны до определенной степени. Душа? Душа ни в какие таблицы не втискивается. Вот и говорят — душевнобольной, а подразумевают-то шизофрению, что в переводе означает расщепленный разум. Разум! А не душа. А душа не с разумом напрямую связана, но с интуицией. Это к слову больше. А «женщина в человеичнике», то есть в современном сообществе, поставлена в очень и очень жесткие условия. Хотя и прежде не в раю жила. Но тут автор достаточно безжалостно дает некоторые «картинки с выставки», читать приходится настороженно. Нас по-иному воспитывали, нежели этих персонажей...

В комнате сгущались сумерки. Это снаружи, в поднебесье, опять собирались чернильного оттенка тучи, явно сулящие новый ливень, если вообще не очередную грозу. Стас выпростался из тесноватого для него кресла, подошел к выключателю, прикрученному у самого дверного косяка, щелкнул клавишей. Под потолком вспыхнула пятью лампами, упрятанными в стеклянные с легкой синевой плафоны, напоминающие цветы-колокольчики, старинная, годов пятидесятых еще люстра. Глеб критически глянул на заслуженный светильник, люстра явно требовала по крайней мере протирки. Да, не хватает хозяйки, ох, не хватает, а самому никак не сподобиться, то одно, то другое... Однако в городской своей квартире он раз в три недели четко генеральные авралы проводит. По всем правилам. В самом деле, не приглашать же Киру в хлев! А тут... холостяцкая берлога. Никогда не считал себя неряхой, и вот по-

* *Modus vivendi* и *modus operandi* — образ жизни и образ действия (лат.) — Прим. ред.

** Можно и согласиться с таковым мнением; разные они, сочинители, по «профессии»: лорды, канцлеры, клинические сумасшедшие, камер-юнкеры, воры серебряных ложек... Особенно много чиновников и гусарствующих...— Прим. ред.

жалуйста. Надо будет пылесос привезти. Нет, лучше новый купить, оставить в квартире, а сюда старый доставить. Глеб вдруг ощутил, что совсем отвлекся и толком не разбирает о чем там опять вещает Севка. Он тряхнул головой и прислушался.

— Вот ты, Стасик, спросил, мол, а как это нас воспитывали? С ехидцей этакой спросил, да не отпирайся, это ехидство у тебя в крови, и пусть. Мне оно не мешает. Но согласись, нас и вас, старшаков, так воспитывали, что девчонка, невеста, а тем паче жена друга, она тебе как сестра, и отношение к ней соответствующее. Защитить, если что, ты ее обязан, даже можешь ей компанию составить в случае необходимости, в кино там, в кабак... Но глаз на нее положить, в кровать затащить ни боже мой, не моги и все тут. Как бы она тебе не приглянулась. Разве не так? А в романе что? Вспомни новеллу про эту Анну и *передержанную* страсть. Словно оправдание тут же аргументируется. Но сразу после свадьбы не устоять перед напором дружка собственного мужа и завалиться с ним в постель! Они что, животные какие-то? Или сей случай столь характерен и повсеместен? Я понимаю, в армейке там, полгода без увольнения. Ну, еще в местах не столь уж отдаленных. И то сказать, человек же в состоянии с самим собой справиться, на то он и мыслящее существо.

— Случай, конечно же, не повсеместен, мой молодой друг, но встречается. И наверно не так редко, как хотелось бы,— Стас, до этого так и стоявший у дверного проема, вернулся к столу, ухватил бутылку с ромом, наполнил свою рюмку и вопросительно глянул на друзей, мол, а вам как, наливать что ли? Глеб и Севка по очереди согласно кивнули. Манипулируя бутылкой, Стас продолжил.— Люди по-разному воспитаны, по-разному умеют, точнее не умеют, сдерживать свои не очень прекрасные порывы. И потом, разные мнения есть на этот счет. Ты же не знаешь всех обстоятельств заключения этого, из упомянутой истории, брака. Может быть девушка вышла замуж в виду материальных выгод. И, кстати, как говорят циничные, умудренные вроде как жизненным опытом люди, браки по расчету самые прочные и долговечные. И вообще, всем известно, что любовь зла. А еще есть не менее философическая сентенция, дескать, терпится-слубится. Принимая во внимание все вышеизложенное, вполне допускаю возможность для молодой супруги гульнуть налево. Хоть мне, как мужику, это и не вполне приятно сознавать.

— Что ж, время, точнее особенности и гримасы современности, не могут не сказываться на поведенческих стереотипах, будь то женщина или мужчина, без разницы,— Глеб включил чайник, слегка опустив вниз плоский рычажок под его рукояткой. М-да, самовар смотрелся бы органичнее, ничего не попишешь. В кухне и так все раритетное: от ходиков до плиты, когда-то топившейся дровами. Электроплитка о двух конфорках не считается. Ее Глеб не так давно привез из города. А вот самовар... был самовар да сплыл. Не просто ведь так он то и дело чудится. Словно стоит себе на столе и все тут. Непонятно только, куда он исчез во время одного довольно широкого застолья, когда здесь народу понаприезжало, мама не горюй! Отмечали солидную премию хозяина дома, да-да, его, Глеба премию... Шалман тут устроился, ни дать, ни взять. Дым коромыслом стоял до утра самого. А потом, когда все разъехались, хватился он самовара, а его-то и нет, точно и не было никогда. Вот и мерещится медный раритет теперь всем, кто здесь появляется, блазнит, с толку сбивает. Ладно. Проехали. Надо бы мысль продолжить.— Ведь не секрет, что женский пол нынче не столь уж прост и абсолютно не наивен. Напротив, деловит и весьма деятелен. Иных представителей мужеска пола обставляют в жизненных реалиях, и на раз обставляют, прекрасные дамы. Это бесспорно и примеров тому несть числа.

— Так это еще в девяностые произошло, когда дамы наши в челночную торговлю подались, пока мужички бухали и страдали, так сказать, душой и сердцем,— перебил друга Стас, весело присвистнув.

— Да, конечно, подожди, Стас,— Глеб смял пустую пачку из-под сигарет, от-

крыл дверцу потемневшего от времени, когда-то лакированного, изначально цвета кофе с молоком, настенного шкафчика и достал новую порцию курева.

— Так же временем проверено, что имеющаяся в загатнике «котлета» из купюр, иначе выражаясь, «пресс» денжат, является для многих жен и подруг извиняющим очень многое в мужских поступках обстоятельством. Тоже не секрет, собственно. То есть, многие дамы занимают такую позицию, мол, мне не важно, что там благоверный делает и как средства «рубят», лишь бы добывал в приличном количестве, дабы мне было комфортно. Женщины ведь тоже, хоть и прекрасный пол, могут быть жесткими, жестокими даже и весьма приземленными. Как мне однажды на службе один слесарь жалился, хороший, кстати, слесарь, руки действительно золотые, так вот ему супружница лягнула, дескать, ты хоть иди воруй, мне все равно, лишь бы деньги домой приносил. Может в сердцах шваркнула, а может и нет, кто знает?!

— Во-во, так и было, — оживился вдруг Севка и повернулся к Стасу. — Ты свою первую вспомни, да, Янку, ты еще тогда гудел по-черному, а я только дембельнулся... Прихожу к тебе домой, ты в отрубе лежишь, а она довольная такая. Меня за стол усадила, дескать ей скучно, и стол накрыт... Я было начал по недомыслию ей выговаривать, какого лешего тебя так распустила, что пьянствуешь? А она с улыбочкой снисходительной мне в ответ: мол, да пусть хоть на голове ходит, главное — добытчик хороший, ни в чем отказа ей нет, любые прихоти исполняются. Да, выпивает, но побесится и успокоится. А, если потребуется, вызовем ему на дом анонимную наркологичку, пусть прокапают, как следует, бабосы имеются.

— М-да, было и такое, — без тени улыбки протянул Стас, — а вообще, в романе многовато этого самого «фрейдизма», ежели угодно. Конечно, тайные, подспудные, подсознательные желания, физиология, психология... Только ведь нормальный человек, если он человек, а не животное, управлять собой в состоянии и сам знает в чем себе стоит признаваться, а что без признания давить на корню и чему власти над собой не давать. А как иначе? Да и три типа современных женских характеров весьма условны. Флуктуаций-то может быть сколько угодно. И так называемая «счастливая дура» на поверку оказаться может просто женщиной, живущей в согласии с собой и с окружающим миром, просто счастливой и вовсе не душой. А вот Светлана свет Анатольевна вполне способна сама себя и объегорить в результате своего бытия, с виду вполне роскошного. А что за душой-то в сущности? Понты сплошные? Ну да, в удовольствиях эта местная дива себе не отказывает, есть связи и в столицах, опять же вполне с головой дружит дама. Но все губит какой-то потребительский цинизм. А сие ведь очень скучно в сущности.

— Дружище, так ведь автору контраст нужен, он намеренно от многих мелочей абстрагируется, дабы вычленил главное, сущность самую что ни на есть. И то определенная мозаичность остается, посмотри сколько сопутствующих основным персонажей еще приходится описывать, хоть и штрихами-пунктирами? Правильно, не в вакууме живут главные действующие лица, а в многоквартирном доме, это как минимум. Но автор тут хитро поступает, вводя мимолетные образы, изначально весьма разнообразные по упомянутым модусам, а следовательно и по характерам, он ведь так поворачивает ситуации, что поступки их зачастую схожи, — Глеб наконец тоже решил не маячить более каланчой и плюхнулся в свое кресло. — И получается, что описанное разнообразие, воленс-ноленс, укладывается в обозначенные типажи женских характеров.

— Да? Возможно, возможно... — по лицу Стаса было понятно, что он не вполне согласен с рассуждениями товарища. — Просто, вот помнишь, как чувак там познакомился с дамой во время застолья у друзей, и она тут же с ним в кровать прыгнула. И любовь у них безумная получилась. А потом, уже домой возвращаясь, он на соседскую девчущку, хоть и совершеннолетнюю, но гораздо его моложе, польстился, и

хлестали они бормотуху из горла на верхотуре многоэтажки, у лифта, и опять-таки жутко друг дружку любили... Что-то это ни на один типаж не похоже, да и не станет нынче никакая практическая женщина так вот себя вести. Это лет сорок — пятьдесят назад еще возможно было бы, тогда мужики ценились выше. Память о годах послевоенных, времени жуткой нехватки мужчин, еще жива была, да и женский пол вел себя попроще, меньше им надобно было. Как в анекдоте: на трамвае прокатишь, мороженное купишь, и она твоя... А нынче нет, дамочки хитренькие стали, чувства свои в узде держать умеют, ох, умеют! Это же как надо, пардон конечно, оголодать, чтобы сходу на мужика бросаться?! Уж и не знаю. Возможно, наверное, теоретически, но не характерно как-то.

— Ой, да мало ли что бывает! — отозвался Севка, вроде бы и не вслушивавшийся особенно в диалог друзей, а погруженный в изучение висевшего на стене календаря пятилетней давности с эффектной девушкой в купальнике на постере. — Вот вы Елизавету упорно тут перевозносите. А она ведь тоже с бравым кавторангом без церемоний в постели оказалась. И объяснение этому в целом правильное: «люди взрослые», чего уж там, не до манерностей, все и так понятно. И где ея мораль? Где нравственность, в коей нас пытаются убедить? Чем сия Лиза, далеко не бедная во многих аспектах, ежели не во всех, остальных превосходит? И потом, смотрите, ведь она сумела «остудить» свой же эротический, а отнюдь не любовный, пыл и мозгами пораскинуть на досуге, что кинуться вслед за командиром подлодки в заполярные широты — дурь и более ничего. По той простой причине, что не готова она к бытию офицерской жены в дальнем гарнизоне со всеми, как говорится, вытекающими. Понимает наша практически идеальная дама, что сбежит она оттуда через полгода максимум. Тоска сожрет ее с потрохами, да к тому же и дочка-подросток, вырастающая в девушку в замкнутом пространстве военного поселения, пусть даже именуемого ЗАТО*, это тоже сомнительная перспектива, ведь от смены названия сущность взаимоотношений в подобных поселениях не меняется. И не след Елизавете поэтому рушить устоявшийся свой уклад, пусть иногда скучноватый и даже, возможно, тоскливый, на невесть какой, непонятный, но уже внушающий опасения. Что это, как не та же самая меркантильность и расчет?! Получила от мужика что хотела и адье.

— Однако же не все настолько уж приземленно, *mon cher ami*, — отчего-то развесялся Глеб, с явным удовольствием внимавший Севкиным умозаключениям. — Собственно говоря, она просто ощутила, что этот эмоциональный, ну, хорошо, пусть даже чувственный всплеск, отнюдь не любовь. Пусть даже по старине Фрейду с этой его терминологией-фразеологией неудобь произносимой, ну и что с того? Лиза не человек что ли? Да, со всеми слабостями женскими, но ведь и силенок у нашей героини вполне достаточно. И не поменять шило на мыло, оценить произошедшее, вовремя, если угодно, «протрезветь» и придти в себя, тоже ведь не каждая способна. Значит наша Елизавета свет Васильевна не встретила пока свою истинную любовь. Бога не видит за уже пережитым. Ну и ладно. Значит все действительно впереди. А записки дневниковые пусть себе будут. Это обратная сторона душевных метаний. Не с кем же на сию тему ей откровенно, без ерничества и цинизма той же Светланы, поговорить. Такой вот у женщины микрокосм, ежели угодно. Но автор прав, когда рисует Елизавету именно такой, с метаниями душевными, с размышлениями более холодными, что ли, но сохранившей ту чистоту, ту внутреннюю нерастраченную нежность, ту честность, насколько она вообще возможна в нашей, да и в любой, бытовухе-повседневщине. И я уверен, что вы, парни, и вообще наверняка подавляющее большинство мужиков о подобных женских качествах как раз и мечтают. Сколь бы

* Аббревиатура от «Закрытое административное территориальное образование» — ныне официальное наименование поселений и городов, что раньше назывались «военными городками». — Прим. ред.

цинично они вслух не выражались о дамах и свойственных им качествах.

— Из всего изреченного вами, мой господин, следует,— подхватил Стас с нарочитой театральной выпендренностью и кривоватой ухмылочкой,— следует, что женщина и в современном, подверженном тотальной глобализации, мире должна оставаться и таки остается, и впредь останется тем же прекрасным, нежным, обаятельным и загадочным созданием, что и прежде. По крайней мере для нас, для мужиков, ежели брать по истинному счету вне всякой потребкооперации. И вы, дорогой поборник этих прелестных женских качеств, считаете, что так оно и есть? И примером тому дражайшая Елизавета Васильевна. Только одна загвоздочка: она ведь получается некой идеализированной персоной на фоне остальных. Куда более реальных. Вон мамка «ейная» звезданула сковородкой папке, на сторону гулявшему, по башке и вернула его в лоно семьи. Чем не практическая сметка, хоть и от отчаяния проявленная. Или вас, дорогой эстет, от подобных вывертов коробит?

— Так ведь автор и не стремится представить главную героиню в образе «босоногой кармелитки» нашего времени. Она как раз нормальная женщина, пользуется вниманием у мужиков, вспомни чем книга заканчивается? Появляется очередной, весьма кстати, ежели на вскидку судить, достойный кандидат в... А вот в кавалеры, в партнеры или? Тут вопрос открытым и остается, чем и подчеркивается довольно-таки приличная сложность проблемы, именующейся «оставаться самим (самой в данном случае) собой».

Глеб взглянул вопросительно на собеседников, мол, согласны? Стас хмыкнул то ли да, то ли нет и плечами едва заметно пожал. А Севка? Тот кивнул утвердительно, он что-то утомился от всех этих теоретизирований. И как раз в этот момент с улицы донеслось некоторое тарыхтение. Вначале тихо, но с каждым мгновением становясь все отчетливее. Судя по всему, кто-то из деревни ехал сюда явно на тракторе, поименованном в честь союзного нашему государству, ибо там он на свет и появился. Друзья дружно встали и поспешили выйти на крыльцо, где обнаружилось, что недавняя угроза возобновления стихии так и осталась лишь угрозой, дежурная морось имела место, но ветер стих, а некоторое легкое движение воздуха именовать даже ветерком можно было лишь при желании.

Из кабины остановившегося метрах в двадцати от дома трактора «Беларусь» прыгнул прямо в мокрую, по колено, траву коренастый, широкоплечий мужичок, даже издали напоминавший грибок-боровик, помахал рукой стоявшим на крыльце и не спеша двинулся к ним, свернув уже на лишнюю травы тропку. Голенница его кирзовых сапог, короткие, с ременными застежками по бокам, блестели от воды. Это был давний приятель Глеба, один из местных хозяйственников, в отличие от двух прочих, деревенский уроженец Саня Ефимов. Он, не в пример многим своим ровесникам-односельчанам, после срочной службы на Северном флоте в город не подался, вернулся домой, женился на соседской девушке, по которой сох с детства, и пошел работать в совхозе трактористом. А когда грянули новые времена, ничтоже сумняшеся, выкупил этот вот трактор и занялся вместе с женой своим хозяйством. Трудились они на земле как проклятые, порой совсем из сил выбивались, однако никогда Глеб не слышал от Сани что тот, бросит это гиблое дело и свалит из проклятого Митрохина. Ничего подобного. Наоборот, Саня как-то обмолвился, что коли он крестьянин, так здесь ему и место. И не сдался, а сейчас и делишки вроде совсем наладились, ишь гоголем идет, смотрит задорно.

— Господам городским литераторам и кому там еще наше с кисточкой,— Саня чуть приподнял кепочку за козырек и слегка поклонился.

— Привет хозяевам земли, привет трудовым латифундистам,— ответил за всех Стас и протянул поднявшемуся на две ступеньки крыльца Сане руку. Глеб и Севка, не сговариваясь, хмыкнули, покивали в ответ и тоже пожалы натруженную, мозоли-

стую, перевитую трудовыми венами Санину ладонь.

— Что, дружки, переживаете непогодь? — Саня достал кисет и стал ловко сооружать самокрутку. Он сам выращивал табак и употреблял только его, не признавая покупных табачных изделий. Лизнув краешек бумажки, он прищурился на Глеба:

— В город-то не спешишь? А то ведь могу на буксире до шоссейки дотащить. Я, правда, только завтра в Коркино собирался, но могу в порядке шефской помощи поспособствовать.

— Саня, так это город обычно над деревней шефство брал, предприятия бригады на уборку всякой всячины присылали ...— Стас легонько похлопал гостя по крепкому плечу.

— А ты почитай, вспомни «Возвращение» у Эриха-Марии, — прикуривая от зажигалки «Ронсон», Глебова ему подарка на прошлогодний день рождения, ответил Саня с интонацией явного превосходства над собеседником, — это горожане в кризисные времена мешочничать на деревню отправлялись, а не наоборот. А ежели военный коммунизм вспомнить, так заодно не забудь, что впервые голодали в Питере в гражданскую, когда крестьян-мешочников запретили пускать в город под страхом расстрела. И к двадцать первому году население «города трех революций» уменьшилось ровно втрое по сравнению с эпохой «тюрьмы народов», то есть до семисот тысяч. Так что куда уж вы — шефы без нас, сермяжных-то?

— Ты отчаянно прав, кормилец, — Глеб знал Санину манеру изъясняться и способность, что называется, поговорить, усевшись на любимого конька. Саня, имевший за плечами сельское пэтэу и досаафовские курсы, тем не менее стихийно образовывался сам, читая, как однажды выразился ехидный Стас, непозволительно много для зажиточного сельского жителя. Глеб, кстати, немало способствовал увлечению старшего товарища, то и дело подсовывая ему книги из своей, в основном оставшейся от отца, библиотеки. Наезжая в город, Саня обычно останавливался на квартире у Глеба, привозил прочитанное и забирал новую партию книг. Когда он успевал их читать при своей всегдашней загруженности по хозяйству, для Глеба оставалось загадкой.

— Я, кстати, чего заглянул-то к тебе, — Саня по привычке, приобретенной еще в детстве, ухватил себя за кончик короткого толстого носа большим и указательным пальцем левой руки и слегка покачал из стороны в сторону, — почитать с собой ничего не прихватил часом? А то я нынче до города не доберусь, делишки тут держат, а чтиво закончилось. Я тебе прежде взятое позже закину, если не уедешь. А то, смотри, могу и сейчас сгонять.

— Нового? — Глеб посмотрел в сторону своего авто. — Новое, друже, имеется. Только это, видишь ли, завершающая часть одной весьма занимательной тетралогии... Впрочем, такую книгу можно читать и без остальных. Отчего бы в обратном порядке это четырехкнижие не изучить?! Пошли, чаю глотнешь, у нас и ром к нему имеется. А потом я тебе и книжку выдам, она у меня в машине лежит.

Саня не возражал против чаепития, очевидно порядком соскучившись по мужской беседе, и пополнившаяся новым гостем компания вернулась обратно на кухню. Глеб манерно уступил Сане дорогу и дурашливо подражая недавним ужимкам фермера, тоже с легким поклоном, указал рукой: дескать, пожалуйста, сударь, а уж мы после вас. Саня усмехнулся, сбросил с круглой, ежиком остриженной головы кепку и шагнул в кухню. И встал вдруг, сделав несколько шагов, точно вкопанный, так что Севка, уткнувшись в стоявшего в дверном проеме Стаса, вообще остался вне кухонного пространства и заглядывал туда через плечо друга. Саня обвел взглядом кухню, и удивленно-озадаченно спросил:

— Слышь, друже, а вроде бы у тебя в прошлый раз самоварчик тут стоял. Древний такой, он же от прадеда остался вроде, помятый немного, но по всему видать фирмы старинной, я же его издавна помню. И календаря на стене нет. Помнишь, ви-

сел отрывной за шестьдесят первый вроде бы год... Недооторванный наполовину. Я еще хотел было листочек отчекрыжить, да ты тогда на меня даже наорал немного, чтобы не распускал клешни. Тоже куда-то делся. А?

— Не помню, не знаю. Ладно, проходи вот сюда, за стол садись,— сбивчиво и даже смущенно ответил Глеб и стал суетливо, без всякой цели, переставлять посуду, стоявшую на столе, пока все рассаживались по своим местам.

— На чердаке все наверно, надо бы проверить, инвентаризацию провести...— он схватил бутылку с ромом и наполнил три рюмки, а потом и четвертую, которую принес все из того же из буфета.

— Так самоварище и я помню,— Стас поприветствовав всех поднятой рюмкой и одним махом ее опустошил.— Только он совсем недавно мне тут мерещился. Вроде стоит на столе, а моргни — и нет его. А календарика что-то не припомню. Вот фотки прадедовские на стенке висели, где дед твой, Глеб, еще пацаненком снят. У прабабки на коленях сидючи.

— Ладно-ладно, я и сам толком не вспомню куда и что подевалось. А может и не было ничего? Помстилось просто. Дом старинный, энергетика в нем издревле копилась. Мало ли что,— Глеб с полуулыбкой покрутил пальцем у виска и ткнул кнопку на чайнике, откликнувшись тут же деловитым шипением: недавно совсем кипятили.

— Ага. Прямо как в шотландском замке,— гоготнул Севка, закуривая.— Ни дать, ни взять Кентрвилльское приведение в родовом шотландском поместье.

— Ну, в шотландском не в шотландском, а чем мы хуже? — отозвался Саня.— У нас тут, брат, тоже все непросто. Глухомань, конечно, а ведь прежде и речка судоходная была, и ярмарки устраивались, и вообще жизнь была куда как разнообразнее. В округе сколько деревень мертвых, не считал? А я вот скажу, что с десятков наберется. Это так, приблизительно. И везде люди жили, судьбы у всех разные. Энергетика да, ого-го-го. И ежели там домовая почудится или еще какая «недотыкомка серая», янисколько не удивлюсь. Кому суеверия, а кому фольклор. Да, Глеб, а что ты там о книжке толковал? Вернее, насколько я понял, об одной из четырех, о завершающей тетралогию?

— Сейчас,— Глеб встал и, опершись руками о столешницу, поглядел в окошко.— Вроде и вовсе утихомирилось ненастье. Схожу к авто и принесу книгу, чтобы был предмет для разговора. Чай пока разлейте, други.— И вышел из кухни.

СЛОВО, КАК ПАНАЦЕЯ ОТ ЦИФРЫ («ЖИТИЕ НАШЕ ОЦИФРОВАННОЕ»*)

— Видишь ли, Саня,— обратился Глеб к листавшему врученный ему томик гостю,— эту вещь можно читать как самостоятельную, не предваряя преамбулами, напротив, она и сама во многом может служить вступлением в тетралогию, ибо так или иначе тема ее проходит через все остальные повествования. Что же касается персонажей, а если угодно героев, то тут надо для начала просто знать, что живут на страницах всей тетралогии и, кстати говоря, за пределами оной, в иных произведениях автора, некто Николай Андреянович, ныне доцент, а прежде труженик оборонки, и его старинный приятель профессор Игорь Васильевич. Это мужчины уже с приличным жизненным опытом и академическими знаниями, скептически, но объективно настроенные к окружающей действительности, то есть не злобно, с приличной и

* Алексей Яшин. Житие наше оцифрованное: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— М.: РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2019.— 329 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru — Прим. ред.

вполне приемлемой и обоснованной иронией. Здоровое человеческое и вполне себе рациональное начало берет в них верх над всеми резонами современного бытия и его новых веяний, помогает сохранить себя в виде самодостаточных личностей, слабо подверженных влиянию модных тенденций, в частности, всемирной паутины, всеобщей компьютеризации и прочая.

— Причем их позиции ничуть не отдают ни косностью, ни рутинерством,— точно про себя, глядя куда-то в пустой кухонный угол, примечательный разве что отслоившимися слегка обоями с выцветшим орнаментом, проронил Стас,— мужчины сии лишь ратуют за сохранение в человеке творческого самостоятельного начала.

— Есть там и другие достойные персонажи, например, Андрей Матвеевич, профессиональный писатель, главный редактор литературного журнала, устами которого весьма увлекательно и красочно «глаголет истина» о нынешней жизни литературного мира, хоть и не столичного, но все-таки не вполне и провинциального, ибо все происходит в областном центре, всего в двух часах езды от первопрестольной расположенном,— Глеб перевел дыхание, вооружился сигаретой, но прикуривать медлил, рыская глазами по столу, очевидно в поисках своей рюмки.

Севка угадал желание старшего товарища, ту же выстроив «тару» рядком и взяв в руки бутылку рома. Он только вопросительно глянул на Саню, но тот помотал головой отрицательно и руками немного крутанул воображаемый руль.* Тогда виночерпий мигом исполнил задуманное, а трезвеннику на тракторе налил чаю в чистую, старинную, настоящую фарфоровую с нарисованной внутри розой, чашку, извлеченную из буфета. Троица дружно отправила содержимое рюмок по назначению, а Глеб тут же продолжил свой монолог.

— Так вот, *mon cher* Саня, стараниями или, если угодно, усилиями двух наидостойнейших граждан, а именно Игоря Васильевича и Андрея Матвеевича, да плюс к ним одного головастого аспиранта по кафедре информатики, было выпущено в свет повествование об истории создания и весьма драматического порой существования областной организации писательского союза — от страны советов до наших дней. Но, следуя традициям иносказания, по понятным причинам от Эзопа до Михаила Евграфовича и далее неизменным, повествование это выполнено было в форме сказки по примеру только что упомянутого и весьма нами почитаемого дважды в миру вице-губернатора. Вот, друг мой хозяйственный, прочти сию повесть, четвертую книгу, собственно, открывающую и попробуй узнать, кто именно из литераторов сокрыт за сказочными лесными обитателями.— Глеб наконец-то закурил и вытянулся в кресле.

— А сделать такое, то есть сбросить с реальных поэтов-писателей личины звериные, можно с помощью нашего друга яндекса, сиречь интернета, вообще говоря, компьютера. А ведь всю эту виртуальную реальность наши «ирои», как говаривал Салтыков-Щедрин, довольно усердно кроют на все корки, чуть ли не анафеме предавая. А я вот быстро сумел разобраться «ху есть ху», особенно зацепившись за Лошака, который реально в год столетия основоположника и вождя свалил на брег Туманного Альбиона. Вот аз грешный и раскрутил весь клубок понемногу в обе стороны: и по хронологии, и супротив ея. Практически всех определил. Интересно и очень познавательно. Только вот без всемирной паутины, трижды проклятой, ничего бы у меня не вышло. Это факт.

— М-да. Диалектика. Единство и борьба противоположностей. Старина Георг Вильгельм Фридрих Гегель. И никакого тебе марксизма-ленинизма. Одна сплошная абсолютная идея — медленно, точно задумавшись, словно выдавливая из себя слова,

* С полным восторгом можно воскликнуть: это надо же за всего одну-две пятiletки так дисциплинировать народ (хваленым немцам на это понадобилась тысяча лет!), чтобы в деревенской глухомани тракторист отказывался принять «на грудь» стопку-другую?! — Прим. ред.

проговорил Саня.

— Бог с ними, с теориями и философиями,— Севка растопыренной пятерней забросил назад упавшие на лоб пряди густой своей шевелюры,— мне вот не вполне понятно, а пошто так шифровать-вуалировать в сказочный антураж обыкновенную историю обыкновенной губернской писательской организации? Есть, так сказать, боевой путь, что тут зазорного? Сами же орем на каждом углу, мол, не надо стесняться своей истории, не надо ничего переписывать, принимайте все как есть, точнее как было. Да и вообще там ведь ничего выдающегося, как мне кажется, в боевом-то пути и нет?

— Ну-у, Сева, орем-то не мы с тобой и другими «трудовыми массами», а господа журналисты по одному им ведомому заказу... Во-первых, отсутствие, как ты выразился, выдающегося, не исключает наличия жизненных и творческих коллизий. Потом, кто определил критерии — что выдающееся, что нет? Во-вторых...— Стас глянул на Севку снисходительно — Во-вторых, по прошедшим событиям, плюсуя к ним происходящие, можно в некоем, хоть и эскизном приближении дать прогноз на будущее, «мой дорогой лейтенант». Автору, Андрею Матвеевичу, самым естественным образом сия тематика близка, он в нее, если угодно, погружен и значит разбирается. Как же литератору не исследовать и не описывать историю литературного и окололитературного, сие тоже имеет значение, процессов? Форма сказки, по примеру классика, избрана, в тексте так и указано, оттого, что на момент издания этой «гиштории» еще здравствовать изволит немало тех, кто в повествовании присутствует. Плюс к тому, форма щедринской сказки дает небывалый простор всегдашней авторской иронии, а без нее куда? Правильно, никуда. Я бы даже назвал эту манеру изложения *ироническим оптимизмом сожаления*, что опять-таки «единство и борьба». Кстати, уважаемый латифундист, а ты самого Гегеля читал или с чьей-то подачи излагаешь?

— Начинал читать, запутался в терминологии,— буркнул отрывисто Саня.

— Я и Иммануила, «Критику...» его, начинал. И Кондильяка брал в библиотеке... ну, там, Фейербах, еще всякие, Огюст Конт, неоплатоники, младогегельянцы. Во, только названия школ и выучил. Трудно усваивать. Привычки нет. Не художественная же литература.

— Да не журись, сельское хозяйство,— хохотнул в ответ Стас,— ты думаешь я не такой же? Правильно, вникать в подобное привычка нужна. Ну, да я к слову больше... А вот...

Он видимо хотел еще о чем-то осведомиться у деревенского аборигена, но тут встрял в разговор покончивший с выкуренной до фильтра сигареты Глеб:

— Ты, Стасик, очень хорошую и емкую форму нашел — иронический оптимизм сожаления. Именно! И ведь такая манера, главным действующим лицам, то есть и автору, присущая, дает возможность сохранять надежду на лучшее. А значит и делом своим конкретным, пусть не слишком значительным, но для кого-то имеющим некий вес, этому самому «лучшему» способствовать. Конечно же, не все так гладко, аки желалось бы, но... глупо противиться объективной реальности; и сколь бы разлюбезный профессор Игорь Васильевич не старался бы в своем идейном «луддизме», сиречь машиноразрушении, сколь бы не хаял и не проклинал реальность виртуальную вкупе с глобализацией и всякой иной всячиной, процесс, как говорили три десятка лет назад, пошел. И он идет и будет идти. Сохранить себя и все, человеку присущее, в себе, не утратить ассоциативного мышления и привить его тем, кто будет после нас, вот задача! Даже сверхзадача, ибо архитрудно выполняема и распадается на отдельные пункты. Но на то мы и человеки, вооруженные интегральным исчислением. Делим сверхзадачу на отдельные, маломасштабные, а потом суммируем, сиречь берем интеграл по пространству нашей родимой земли. И опираться в своих стараниях-

радениях надо на слово. «В начале было слово. И слово было у Бога. И слово было Бог». Евангелие от Иоанна, а равно и от его «собратьев по перу» никто не отменял. Хватит с нас научного атеизма. Будем опираться на язык, слово, речь,— непременно сохраним человека и человечность. Не будем — превратимся в андроидов. Это, конечно, схема, формула, однако... Не забудем, что язык — проводник не только в будущее, но и в прошлое. А верность исторической канве — это не хухры-мухры, отцы мои.

Но вот канву сию не столь уж просто нащупать, слишком переломано все в ушедшем веке, переиначено, с ног на голову опрокинуто. Отсюда и «широта» интересов и взглядов наших профессоров-доцентов, я имею в виду книжных. Слишком уж залихватски порой они рассуждают о былом. То Троцкого цитируют, то государя-императора хаот.* А зря... Не берусь судить об образовании упомянутого ангела революции, но его откровения нам до лампочки. Единственно, что можно сказать по данному вопросу, так это процитировать Василия Аксенова, мол, чтобы бороться с врагом, надо его знать, а чтобы его знать, надо чтобы он был. А судить об имперских реалиях узкоколейно, если хотите,— «слабый царь с царицей-немкой на троне отстающей в развитии империи», так это вообще шельмование исторической правды... Это ведь зажавшиеся либералы и ополоумевшие генералы вкупе с крупнейшими буржуа сделали все, чтобы за менее чем год развалить империю и вручить власть вождю всех пролетариев и уже помянутому иудушке-интеллектуалу. Да, «зато мы делали ракеты» в итоге и «грозили надменному соседу», но... цена победы, други, тоже ведь должна приниматься во внимание. Дабы впредь столько крови не лить и собственный народ под нож не гнать чуть что. Мы же последствия этих экспериментов до сей поры ощущаем. А спастись от цифры нужно гуманитарным образом. Вопрос только, а как сие конкретно выглядеть должно?

— Так автор вот и опасается, что ни шиша не получится. Он ведь не зря назвал книженцию «Житие наше оцифрованное». — Севка устал бороться с непокорными своими власами и вытащил из заднего кармана джинсов с зиявшими на коленях и бедрах поперечными — по нынешней моде — разрезами широкую, сшитую кольцом, черно-белую резинку и ею, надев на голову, привел-таки прическу в стабильное состояние. — Правильно, без компа и сети нынче никто, считай, и шагу не ступит. И все мы, пользователи, уже в чьих-то базах осели, и знают нас там от шляпы до... скажем, носков. Ассоциативное мышление... Ха-ха, а к чему оно, ежели поисковик имеется? Правильно, ни к чему. Скажи монтажнику, мол, лебедка у нас пятитонка, а поднимать придется груз тонн в девятнадцать, так собирай нынче четырехветвевый полиспаг, а он в ответ планшетик или айфончик открыл в инете посмотреть: что такое этот страшный зверь означает, как выглядит, и как его «изделать»? У строителей то же самое. Серьезно. Мне бригадир знакомый рассказывал.

— Слышал, господин «младогегельянец»? — обратился Стас к Сане, — а что ваша милость по сему поводу нам изречет глубокомысленного? А насчет младогегельянца не в обиду было сказано, я ведь тоже максимум названия школ и течений философских помню еще. Не более.

— А что вам, братцы, сказать? — Саня крепкой, порядком натруженной, перевитой рельефными венами рукой в задумчивости потер основательный свой подбородок. — Проблема утраты прежнего образа мысли, человеку присущей с незапамятных времен, и замены оного новым способом, как вы говорили, оцифрованным, есть ко-

* Да не хаот — опять же объективность. Ведь никому из истории не денешь Кровавое воскресенье, Ленский расстрел, «стольпинские галстуки», позор войны с Японией, войну за англо-французские интересы с «тевтонами», с которыми у России не имело никаких контраверз... А малодушное отречение от престола? — Нет бы приказать личному конвою на месте расстрелять генералов Алексеева и Рузского да шлепнуть пару родственничков великих князей... — Прим. ред.

нечно. Как не быть?! Вон насколько все переменялось! Да последние лет тридцать возьмите! Небо и земля! С виду не всем заметно, а на деле... Я, Стас, на пальцах тебе. Вот в тракторишке моем трудовом-заслуженном есть такая деталь — шкив привода вентилятора, а на вал он крепится шпоночным соединением. Впрочем, она, штуковина такая, в любом движке присутствует. Все элементарно. А у соседа, тоже сельского старателя, у него ЗИЛ'ок был, ну, «Бычок», так на этом ЗИЛ'ке как-то шкив такого же назначения с вала сорвало. Провернуло и привет. Он ко мне, помоги, мол, ну и стали мы в моем ЗИП'е копать, нашли запасной шкив для «Беларуськи», промерили оба, сравнили, а они с зировским и по наружному диаметру, и по профилю ремня идентичны, как говорится. А вот по способу крепления на валу... извините, на автомобиле славного завода соединение шлицевое. И привет, пишите письма. Близок локоть, да не укусишь. Вроде и то же самое, да не то. Так и с нашим вопросом. Внешне мы, теперешние, вроде как и прежние, а внутри едва ли. Такие вот ассоциации.

— А то, что Николая Андреевичу, с молодых ногтей и батькиного благословения нумизмату, константиновский рублевик, хотя и китайский новодел, вожделенный не одним поколением вдохновенных собирателей монет, предлагает по дешевке якобы алкаш, ищущий средств на опохмелку свою и брательника, это тоже характерно для «жития нашего оцифрованного»? — с неожиданными для него горячностью и сарказмом вдруг громко произнес Севка. И практически без паузы добавил утвердительно:

— Несем мы, господа хорошие, действительно банальщину какую-то. Временам свойственно меняться, а людям с вершины житейского опыта вздыхать, мол, вот в наше время было ого-го, а «таперича» не то, ох, совсем не то. Что нам, в самом деле ломом в системный блок тыкать, дабы не «оцифроваться» совсем?

— Милый ты мой,— Глеб даже не взглянул на вопрошавшего, он в простенок между двумя окнами глядел, аккуратно напротив того сидючи, точно увидел там нечто, его поразившее.— Что до банальностей, так ведь и сама жизнь банальна со всеми радостями и горестями. И «все когда-то уже происходило». Мы же здесь не отыскиваем уже давным-давно открытое, а беседуем о содержании конкретных книг, объединенных общей темой, вполне и даже очень актуальной для всех присутствующих. Нам не сенсации нужны и не озарения, а лишь спокойный анализ, то есть соотношение содержания литературного произведения и реалий нынешних, каковые каждый видит и оценивает, но по-своему.

— Алкаш, тобой упомянутый, Андреевичу раритет нумизматический притаранивший и сплавивший по демпинговой цене, он, конечно, может в любых эпохах проявиться, тут не в алкаше дело. Помнишь у Блока про «жизнь без начала и конца»... про «нас всех подстерегает случай»? — подхватил тему Стас.— А у Ремарка в «Триумфальной арке» не забыл о «систематике случая», исповедываемой в качестве одной из жизненных форм доктором Равиком? Знакомые цитатки, младень? Ну, так и пользуйся ими, аки инструментами познания, пользуйся. Встреча алкаша и коллекционера — ярчайшая характеристика времени, ибо внятно демонстрирует именно то, что для достижения цели и обретения успеха важно, прежде всего, оказаться в нужное время и в нужном месте. Достаточно знать частную суть некоей задачи, ежели угодно. А все эти басни о профессионализме и тому подобной лабуде вторичны, хотя и не исключаются. Я так считаю. Вот тебе еще одна грань пресловутой «оцифровки». Это же прямая отсылка к тестовой сути всего происходящего. Неважно знать, важно угадать, что конечно и знаний не исключает, хотя бы у «оцифрованного» они скудоумно всего лишь оперативную память занимают. То есть они не всеобъемлющи. И значит...

— Слушайте, други,— Саня вновь скручивал самокрутку, удивительно сноровисто управляясь с табаком и бумагой, даром, что ручищи изяществом не отличаются.— Вы бы «фитильки прикрутили», а то мне кажется, что я уже треть книги, как

минимум, прочел. А если о реалиях толковать, так вот я недавно на почту заехал в райцентре, так там... Что ты, Глеб, зареготал-то? Что смешного. Я ведь еще ничего не сказал!*

— Книгу прочтешь, узнаешь, Саня. Не удивляйся и не обижайся.— Глеб встал и подошел к висевшей в простенке старой фотографии в деревянной, явно ручной работы, рамочке.— Саня, а ты часом не про это ли фото спрашивал? Так вот оно... Я, правда, не знаю откуда оно и каким макаром вдруг возникло? Вроде бы ведь пропало с концами?

— А чайку тебе не насыпать? — спросил в ответ Стас и поставил чашку под носик здорового, медного, чуть местами помятого самовара, не оставившего пластиковому чайнику, кстати очень вовремя исчезнувшему невесть куда, никаких шансов в плане конкуренции. И пока остальные ошарашено таращились на чудесным образом изменившийся интерьер старой кухни, Стас повернул краник, и в чашку брызнул крутой кипяток. И в бормотании брызчатом этом на несколько мгновений всего почудились вдруг сидящим до боли знакомые голоса. Жаль не вспомнилось чьи именно, слишком уж быстро наполнилась чашка...

НЕКОТОРОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ, ЛОГИЧНОЕ УЖЕ В СИЛУ ПРИСУТСТВИЯ ПРЕАМБУЛЫ, НО, ВОЗМОЖНО, НЕ СТОЛЬ УЖ НЕОБХОДИМОЕ

Оставим в покое друзей-приятелей, пусть себе посидят еще сколько нужно, пусть «выпивают и закусывают квантум сатис», они — люди вполне себе состоявшиеся и самодостаточные, им сие не повредит, пусть порассуждают о тетралогии в целом, об отдельных книгах в частности, вспомнят конкретные эпизоды и действующих в них лиц, выскажут мнения, что-то и срезюмируют. Особенно отметят добротный литературный язык автора. Опять-таки и метаморфозы старого дома — они ведь не всякий раз случаются и не всякому индивидууму вообще доступны. Тем ценнее момент! А мы с вами обмолвимся еще кое о чем, отнюдь не имея целью идеализировать прошлое и демонизировать настоящее с будущим.

И если бы современная литература и впрямь не стала *салонным видом творчества*, далеким от широкого читательского круга, как совершенно справедливо утверждает автор тетралогии... Впрочем, даже в такой плачевной ситуации аз грешный настоятельно рекомендую к прочтению самому широкому кругу читателей эти четыре книги Алексея Яшина. Особенно обрадует меня, если на них обратит внимание «поколение младое, незнакомое», как обычно принято говаривать в случае упоминания тех, кто только приобщается к осознанному мышлению. Да, я всерьез считаю, что молодым людям будет не безынтересно узнать о времени не столь уж, по историческим меркам, далеком и, тем не менее, разительным образом отличающимся от реалий современности. Но реалии, при всей их наглядности, не всегда отражают глубинные особенности времени, а в глубине много такого, что можно посчитать инвариантным в любой период.

А что же главное в таких вот инвариантах? С легкой руки Бориса Гребенщикова можно резюмировать сие одной песенной строкой: «Но чтобы стоять, я должен держаться корней»... С этим и не поспоришь. И ведь Алексей Яшин на страницах тетралогии по сути о подобном модусе и ведет речь. И то верно, ни к чему было разрушать (еще вопрос: кто разрушал?) и заколачивать в небытие достигнутое во время оно,

* Засмеявшиеся персонажи повести при слове «почта» тотчас вспомнили новеллу «Ветер западный, оцифрованный» из обсуждаемой книги, в которой на примере службы почтовых услуг показана вся скоростная уродливость «оцифровывания»...— Прим. ред.

незачем было в тупом и холопском желании поклоняться западным якобы демократиям, на корню вырубать и херить то полезное и позитивное, что создавалось во времена «Союза нерушимого...». Вот только, если уж быть до конца справедливым, необходимо знать и помнить, что корни наши глубже, что они отнюдь не только в советском прошлом, что никакой советской сверхдержавы не состоялось бы без «умов и трудов» Российской империи, в силу своего величия оказавшей исподволь безусловное влияние на становление и развитие социально ориентированного государства. Впрочем, герои тетралогии об этом помнят хорошо...

Авторская логика, пожалуй, бесспорна прежде всего тем, что содержание всех четырех книг глубоко реалистично, и мы имеем дело с литературной интерпретацией конкретики, естественным образом вписанной в историю страны, претерпевшей (в очередной раз) на рубеже девяностых годов прошлого века столь значительные метаморфозы, что это не могло не сказаться на жизни каждого отдельного человека. И очень даже хорошо, просто-напросто отрадно, что автор «копает» настолько глубоко, насколько знает и помнит, не сочиняя ничего лишнего, но порой домысливая, поскольку без этого процесса в творчестве не обойтись никак. И всегдашняя авторская ирония — от предков-староверов и североморского воспитания, как говорит он сам — очень помогает читателю рассматривать содержание книг и мнения главных героев не как абсолюты, а как мнение неглупых и весьма умудренных опытом людей, коим отнюдь не все равно, что там за окошком происходит и что с нами со всеми было и будет. А основание иронии вовсе не ерничество вкупе с нигилизмом, и цель ее не бездумных смех, переходящий в гомерический хохот. Помните, у Ремарка вывод на тему, мол, если смотреть на наш двадцатый век без смеха, можно сойти с ума, вот только смеяться долго тоже нельзя, можно застрелиться. Ирония — это, если угодно, тот янтарь, который помогает сбересть надежду на лучшее, а какая же, помилуйте, может быть жизнь без надежды?

Вот так, господа, они же товарищи, мои. Можно в чем-то не соглашаться с автором, тем более таким оригинальным, даже нужно. Коли есть охота и нужда, можно даже и поспорить... Но для этого необходимо, как минимум, прочесть тетралогия, вникнуть в рассуждения главных и не очень главных персонажей, осмыслить авторскую позицию и понять, что разобраться нужно прежде всего в себе, в своем отношении к истории своей страны, в понимании того, что разрушение старого очень негативно сказывается на созидании нового, а относительная стабильность в империи наступает лишь при условии единения общества и государства, народа и армии, и прочая, и прочая, означающее, что внутривидовую агрессию — все по тому же Конраду Лоренцу — необходимо каким-то образом «держат в узде». Так что читайте тетралогия Алексея Яшина, не пожалейте. Да и с другими книгами* уважаемого автора познакомиться стоит. Хотите убедиться? — Исполать вам, приступайте. С грустью говорю — «институт чтения» сейчас пустует: слово заменилось цифрой...



* Из трех десятков книг Алексея Яшина, изданных преимущественно в Москве, в издательстве «Московский Парнас», в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru, кроме указанной выше по тексту тетралогии, размещены следующие: «Будни главного редактора» (2012), «Катехизис идеалиста» (2010), «Прологомены к новому русскому критическому реализму» (2015), «Квадратная пустота» (2012), «Административный восторг, или картинки с выставки» (2014), «Видение на Патмосе» (2012), «Сны и явь полковника Хмурова» (2011), «Любовь новоюрского периода» (2009), «Историк и его история» (2004), «Джаф» (2013), «Тяжело дышит синий норд» (2003), «Страна холода: Детство в Гипербореях» (2009). Указаны в порядке размещения на сайте.— Прим. ред.